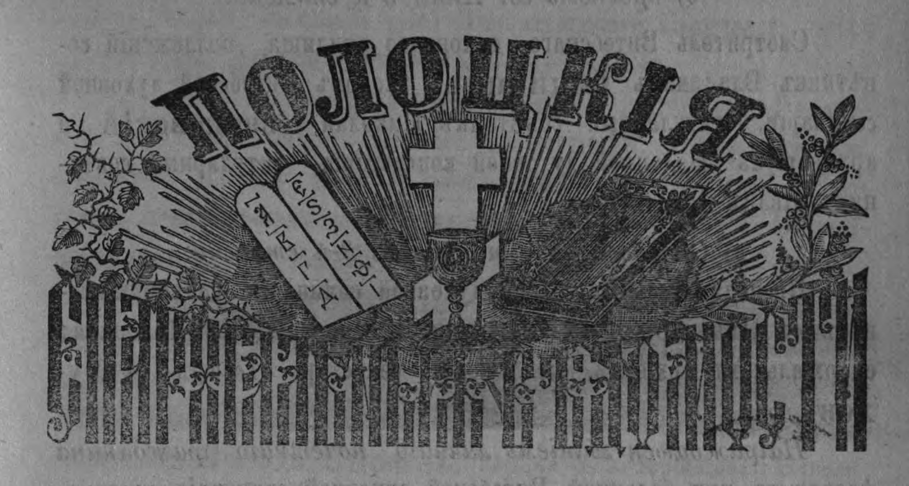

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

Подписка принимается въ редакціи Вѣдомостей при духовной семинаріи въ г. Витебскѣ и у всѣхъ благочинныхъ Полоцкой епархіи.

№ 10

Цѣна за годъ пять руб. а за полгода три руб. съ пересылкой.

15 мая 1901 года.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Къ 6-му текущаго мая—высокоторжественному дню Рожденія Его Императорскаго Величества слѣдующія лица Полоцкой епархіи, служащія по вѣдомству православнаго исповѣданія, удостоены награжденія:

а) *орденомъ св. Анны 2-й степени.*

преподаватель Витебской духовной семинаріи, статскій совѣтникъ Алексѣй **Разумовскій**.

б) *орденомъ св. Анны 3-й степени*:

Смотритель Витебскаго духовнаго училища, коллежскій совѣтникъ Владиміръ **Тычининъ**; экономъ Витебской духовной семинаріи, титулярный совѣтникъ Николай **Квятковскій** и архиваріусъ Полоцкой духовной консисторіи, титулярный совѣтникъ Иванъ **Пщелко**.

в) *Орденомъ св. Станислава 3-й степени*:

Преподаватель Витебской духовной семинаріи, надворный совѣтникъ Никандръ **Тихомировъ** и секретарь при Полоцкомъ епархіальномъ архіереѣ, коллежскій секретарь Іосифъ **Автуховъ**.

Награждаюся званіемъ личнаго почетнаго гражданина фельдшеръ при больницѣ Витебской духовной семинаріи крестьянинъ Адамъ **Пашкевичъ**.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, въ 6-й день сего мая, Всемилостивѣйше соизволилъ удостоить награжденія слѣдующихъ духовныхъ лицъ Полоцкой епархіи—

за службу по епархіальному вѣдомству:

а) *орденомъ св. Анны 2-й степени*—церкви села Езерища, Городокскаго уѣзда, священника Георгія **Смирнова**; церкви села Ляудера, Люцинскаго уѣзда, священника Симеона **Бернадскаго**; б) *орденомъ св. Анны 3-й степени*—гор. Полоцка, Свято-Николаевскаго собора протоіерея Стефана **Забѣлина**.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА.

I. Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 13 апрѣля 1901 г., за № 1331, удостоены награжденія за заслуги по духовному вѣ-

домству ко дню Рожденія Его Императорскаго Величества слѣдующія лица духовнаго званія Полоцкой епархіи:

а) *саномъ протоіерея*—гор. Суража Свято-Петро-Павловской церкви священникъ Павелъ **Сивицкій**; б) *наперснымъ крестомъ, отъ Св. Синода выдаваемымъ* – епархіальный наблюдатель церковно-приходскихъ школъ, священникъ Нилъ **Серебрениковъ**; гор. Велижа, Кресто-Воздвиженской церкви священникъ Михаилъ **Красовицкій**; церкви села Веляшковичъ, Витебскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ **Жиглевичъ**; в) *камилавкою*—смотритель Полоцкаго духовнаго училища, священникъ Іоаннъ **Соколовъ**; церкви села Азаркова, Велижскаго уѣзда, священникъ Леонидъ **Киссель**; церкви села Чернецова, Невельскаго уѣзда, священникъ Георгій **Завилейскій**; церкви села Казакова, Велижскаго уѣзда, священникъ Петръ **Овсянкинъ**; церкви села Могильна, Себежскаго уѣзда, священникъ Іаковъ **Медвѣдковъ**; гор. Витебска, Іоанно-Богословской церкви священникъ Симеонъ **Гнѣдовскій**; церкви села Туровля, Полоцкаго уѣзда, священикъ Митрофанъ **Серебреницкій**; церкви села Комши, Невельскаго уѣзда, священникъ Стефанъ **Яновскій**; церкви села Стараго Села, Витебскаго уѣзда, священникъ **Покровскій**; церкви села Воронечи, Лепельскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ **Ширкевичъ**; церкви села Домникъ, Полоцкаго уѣзда, священникъ Николай **Черепнинъ**; церкви села Томсина, Себежскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ **Нарбутъ**.

II. Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 11-го апрѣля 1901 г., за № 1271, удостоенъ награжденія по вѣдомству протопросвитера военнаго и морскаго духовенства ко дню Рожденія Его Императорскаго Величества—*наперснымъ крестомъ, отъ Св. Синода выдаваемымъ*—церкви Двинскаго военнаго госпиталя священникъ Іоаннъ **Смирновъ**. („Церк. Вѣд.“ № 18).

Циркулярное распоряженіе Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ, отъ 27 марта сего года, за № 1477.

Въ Полоцкій Епархіальный Училищный Совѣтъ.

Въ дополненіе къ циркулярамъ, отъ 14 іюля 1895 года, за № 539 и 7 сентября 1898 г., за № 4671, о страхованіи зданій церковно-приходскихъ школъ, Училищный Совѣтъ при Святѣйшемъ Синодѣ нужнымъ считаетъ разъяснить, что страхованія зданій, какъ второклассныхъ, такъ и другихъ наименованій церковно-приходскихъ школъ, должно быть производимо исключительно на мѣстныя средства, которыя и должны быть для сего изыскиваемы при содѣйствіи епархіальнаго начальства, за неимѣніемъ же таковыхъ средствъ школьныя зданія по необходимости могутъ оставаться незастрахованными, но ни въ какомъ случаѣ расходы по страхованію зданій церковно-приходскихъ школъ не должны быть относимы на счетъ казенныхъ суммъ, отпускаемыхъ въ распоряженіи Епархіальнаго Совѣта и его отдѣленій изъ кредита по § 8, ст. 3 смѣты Святѣйшаго Синода.

Подлинное подписали: предсѣдатель, присутствующій въ Святѣйшемъ Синодѣ епископъ *Борисъ* и завѣдующій канцеляріей *Ив. Соколовъ*.

Распоряженія епархіальнаго начальства.

1. Псаломщикъ Загоскинской, Велижскаго уѣзда церкви, Григорій Холодковскій, согласно прошенію его, резолюціею Его Преосвященства, отъ 1 мая сего года, за № 1582, перемѣщенъ на ту же должность къ Гущинской, Лепельскаго уѣзда, церкви.

2. Псаломщики—Сиротинской церкви, Полоцкаго уѣзда, Іосифъ Златковскій и Королевской церкви, Витебскаго уѣзда, Василій Златковскій, согласно прошенію ихъ, резолюціею Его Преосвя-

щенства, отъ 4 мая сего года, за № 1626, перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

3. По постановленію епархіальнаго начальства, отъ 18 апрѣля—6 мая сего года, псаломщикъ Тискадской единовѣрческой церкви, Рѣжицкаго уѣзда, Евѳимій Кузнецовъ удаленъ отъ занимаемой имъ должности.

4. Резолюціею Его Преосвященства, отъ 12 мая сего года, за № 1689, псаломщикъ Витебской Благовѣщенской единовѣрческой церкви Стефанъ Навысоцкій уволенъ, согласно прошенію, отъ занимаемой имъ должности.

Сообщенія Полоцкой духовной консисторіи.

О закрытіи раскольнической моленной въ дер. Криванахъ Двинскаго уѣзда.

Господинъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, признавъ необходимымъ окончательно закрыть раскольническую моленную въ дер. Криванахъ, Динабургскаго, нынѣ Двинскаго уѣзда, на основаніи прим. 2 ст. 48 уст. о пред. и прес. прест. т. XIV св. зак., изд. 1890 г., входилъ объ этомъ въ Комитетъ Министровъ съ представленіемъ.

Комитетъ Министровъ полагалъ означенное представленіе утвердить.

Государь Императоръ, въ 9-й день марта 1901 года, на положеніе Комитета Высочайше соизволилъ.

О посвященіи въ стихарь.

Псаломщикъ Стайкинской, Витебскаго уѣзда, церкви Алексѣй Высоцкій Его Преосвященствомъ, при священнослуженіи въ Витебскомъ каѳедральномъ соборѣ 22 апрѣля 1901 г., посвященъ въ стихарь.

О пожертвованіяхъ въ разныя церкви епархіи.

Во вновь строющуюся Бальтиновскую церковь, Люцинскаго уѣзда, владѣлицею имѣнія Бальтиново Людмилой Агарковой, проживающей въ гор. Одессѣ, пожертвованы слѣдующія вещи: 1) полное пасхальное священническое облаченіе изъ бѣлой парчи, состоящее изъ фелони, епитрахиля, набедренника, пояса и поручей. и бѣлаго глазета подризникъ. Таковое же облаченіе на престолъ съ покрываломъ, на жертвенникъ съ покрываломъ, на два аналогія съ покрываломъ, на столикъ съ покрываломъ, пеленой на плащаницу, покровцы на дары бѣлаго глазета, бѣлая чистаго шелку завѣса къ царскимъ вратамъ; 2) полное праздничное священническое облаченіе изъ шелка малиноваго цвѣта съ крестами, подризникъ чистаго шелка малиноваго цвѣта. Таковое же облаченіе на престолъ съ покрываломъ, на жертвенникъ съ покрываломъ, на два аналогія съ покрываломъ, на столикъ съ покрываломъ, завѣса чистаго шелка малиноваго цвѣта и покровцы на дары, и 3) полное траурное священническое облаченіе изъ чернаго бархата, подризникъ бѣлаго шелка, траурное бархатное облаченіе на престолъ съ покрываломъ, на жертвенникъ съ покрываломъ, на два аналогія съ покрывалами, на столикъ съ покрываломъ, покровцы на дары, къ царскимъ вратамъ черная завѣса чистаго шелка, для вытиранія устъ два платка и платокъ къ св. антиминсу—пунцоваго цвѣта чистаго шелка; всего пожертвовано на сумму 1127 руб.

По старанію причта Ведренской церкви, Лепельскаго уѣзда, прихожанами оной пріобрѣтенъ колоколъ вѣсомъ, безъ языка, 14 пуд. и 18 фун., стоимостію 267 р. 70 коп.

Отъ правленія Витебскаго мужского духовнаго училища.

Не доплатили за свое содержаніе въ текущей трети слѣдую-

щіе ученики училища: Еленевскій Ѳеофилъ, Шавельскій Семенъ, Лѣлмежъ Николай, Пороменскій Иванъ, Ракитскій Романъ, Сеньковскій Евгеній, Цытовичъ Александръ, Чернявскій Іосифъ и Лепешинскій Фавстъ. Родители названныхъ учениковъ приглашаются немедленно внести въ училищное правленіе деньги за содержаніе ихъ дѣтей.

Отъ противораскольническаго миссіонерскаго комитета.

Противораскольническій миссіонерскій комитетъ доводитъ до свѣдѣнія оо. и гг. участниковъ 1-го епархіальнаго миссіонерскаго съѣзда, имѣющаго быть въ г. Витебскѣ, въ зданіи духовной семинаріи, съ 5 по 8 іюня сего года, что прогонныя и суточныя деньги имѣютъ быть имъ выданы въ г. Витебскѣ.

Вакантныя мѣста.

а) *Священническое*—при Верховской церкви, Велижскаго уѣзда, и

б) *Псаломщическія*—при Загосканской церкви, Велижскаго уѣзда, при Тискадской единовѣрческой церкви, Рѣжицкаго уѣзда и при Витебской Благовѣщенской единовѣрческой церкви.

щаться въ главный складъ синодальныхъ изданій (Москва, Никольская улица, Московская Синодальная Типографія).
Каталоги съ подробными условіями продажи книгъ высылаются по требованію безплатно.

Поступили въ продажу слѣдующія новыя изданія:

Собраніе акаѳистовъ въ 32 д. л. церк. печ., безъ кинов. Томъ 1-й, въ бум. 30 коп.

Акаѳисты: Сладчайшему Іисусу, Пресвятѣй Троицѣ, Живоносному Гробу и Воскресенію Христову, Божественнымъ Страстемъ Христовымъ.

Томъ 2-й, въ бум. 45 коп.

Акаѳисты: Пресвятѣй Богородицѣ, Успенію, Покрову, Ик. Утоли моя печали, Троеручицѣ, Толгской и Неопалимой Купинѣ.

Томъ 3-й. Книга 1-я, въ бум. 65 к.

Акаѳисты: Арх. Михаилу, святителямъ: Николаю, Леонтію Ростов., Арсенію Тверскому, Петру Митроп., Гурію, Варсонофію Казанск., Димитрію Ростов., Митрофану Воронежск., Ѳеодору и Іоанну Суздальск., великом. Георгію, муч. Аврамію и великомуч. Варварѣ.

Томъ 3-й. Книга 2-я, въ бум. 80 к.

Акаѳисты: Преп. Антонію и Ѳеодосію, Сергію, Кириллу Бѣлозерск., Меѳодію Пѣшношск., Александру Свирскому, Даніилу Переясл., Ефрему Новоторжск., Евѳимію Суздал., Алексію чел. Божію, Артем. Веркол., блг. кн. Александру Невскому, блг. кн. Петру и Февроніи, блг. кн. Константину, Ѳеодору и Михаилу.

Всѣ, входящіе въ составъ „Собранія“ акаѳисты имѣются въ отдѣльной продажѣ; цѣна каждому въ бум. 8 коп.

Библія гражд. крупн. печати въ 4 дол. въ бум. 3 р. 10 к., въ коленк. или кожѣ 5 р. 50 к.

Евангеліе въ листъ, новое изданіе съ заставицами и укра-

шеніями по образцу старопечатныхъ изданій, съ изображеніями евангелистовъ, художественно исполненныхъ по образцамъ XV в. въ бум. 10 р. 15 к.; въ бархатѣ 30 р.

Евангеліе въ 16 д. (молебное) въ бум. 1 р. 25 к.

Псалтирь церковной крупн. печ. съ кин. въ 4 д., въ бум. 3 р. 60 к., въ кожѣ 5 р.

Новый Завѣтъ въ 16 д., гражд. печ., въ бум. 22 к.

Новый Завѣтъ съ Псалтирью въ 16 д., гражд. печ., въ бум. 30 к., въ коленк. 45 к.

Псалтирь въ 8 д. церк. печ., съ объяснит. примѣчаніями, въ бум. 40 к., въ кол. 70 к.

Избранныя молитвы и пѣснопѣнія, въ 8 д., въ бум. 50 к

Канонъ Андрея Критскаго, напечатанный въ порядкѣ чтенія на 1-ой седмицѣ Великаго Поста церк. крупной печ. съ кин. въ 8 д., въ бум. 45 к., въ коленк. 75 к.

Правило ко Св. Причащенію въ 8 д., въ бум. 45 к., въ кол. 90 к.

Рождество Христово (служба съ приложеніемъ минейныхъ сказаній, избранныхъ статей и нотныхъ пѣснопѣній) въ 8 д. церк. и гражд. печ., въ бум. 75 к.

Молитвы для церковно-приходскихъ школъ ц. крупн. печ. въ бум. 3 к.

На пути въ Іерусалимъ, гражд. печ., въ бум. 30 к.

Христіанскій мѣсяцесловъ, съ историческими сказаніями о святыхъ, гражд. печ., въ бум. 1 р.

Поминанье церк. или гражд. печ. въ коленк. 15 коп., въ саф. 25 к.

Святцы лицевые на 48 таблицахъ (каждый мѣсяцъ на 4 таблицахъ), напечатанные въ 12 красокъ, 14 р. 40 к.

КАРТИНЫ въ 12 красокъ на открытыхъ листахъ съ текстомъ: 1. Явленіе Пресв. Богородицы преп. Сергію.—2. Преп. Сергій благословляетъ вел. князя Димитрія.—3. Святитель Хри-

стовъ Николай, въ скорбѣхъ милосердый и скорый помощникъ.— 4. Святитель Христовъ Николай избавляетъ отъ меча. Цѣна каждой картинѣ 8 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Праздники Господни (Сборникъ священныхъ изображеній Воскресенія Христова и двунадесятыхъ праздниковъ, съ текстомъ, на 14 листахъ, съ рисунк. въ 12 красокъ).

Святцы лицевые, на 48 таблицахъ, черной краской по золотому фону.

ПРИГОТОВЛЯЮТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Житія святыхъ на русскомъ языкѣ, изложенныя по руководству Четьихъ-Миней св. Димитрія Ростовскаго, съ объяснительными примѣчаніями и изображеніями праздниковъ и святыхъ, въ 12 книгахъ.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

СЛОВО
въ Великій Пятокъ.

Чья гробница, братіе, возвышается нынѣ среди насъ въ семъ св. храмѣ? Кто сей мертвецъ обнаженный, поруганный, израненный, отъ ногъ до главы не имѣющій цѣлости? Беззащитная ли это и, можетъ быть, невинная жертва безсердечной мести или другого подобнаго неистовства человѣческаго? Или это страшный и безпримѣрный злодѣй, надъ преступною главою котораго разразились всѣ громы Божественнаго Правосудія?—Но увы! страшно и сказать, Кто это: ибо для Него *небо—престолъ и земля—подножіе*, на Него не смѣютъ взирать херувимы и серафимы, и предъ неизреченнымъ величіемъ Его вся вселенная, какъ полное ничтожество, исчезаетъ. Созерцая въ пророческомъ вдохновеніи сего Мертвеца, св. Исаія восклицалъ: *„Господи, кто вѣрова слуху нашему* (53, 1): кто повѣритъ, что *умалился паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ* въ вышнихъ Живый соприсносущный Сынъ Вѣчнаго Отца и Самъ Безначальный и Вѣчный, возлюбленный и Единородный Сынъ Божій и Самъ—Истинный Богъ!— На сіе ли зрѣлище собрала чадъ своихъ св. Церковь, когда, не потерпѣвъ его, солнце померкло и дрогнули основанія земли? Воистину такъ! Симъ зрѣлищемъ Церковь хощетъ поставить насъ нынѣ какъ-бы предъ самымъ лицемъ величайшей тайны и содѣлать насъ причастниками единаго истиннаго любомудрія.

Подобно той апокалипсической книгѣ въ десницѣ Сидящаго на престолѣ, которой никто не могъ раскрыть и прочитать ни на небѣ, ни на землѣ, ни подъ землею, и крестная смерть Сына Божія остается тайной, непостижимой ни для неба, ни для земли.

Горніе умы безплотныхъ силъ желаютъ, по слову апостола, проникнуть въ эту тайну (1 П. 1, 12), а бѣдный языкъ человѣческій едва лепетать о ней можетъ. Однако, какъ всѣ тайны Вѣры, при всей своей непостижимости, свѣтоносны и спасительны для насъ, такъ точно свѣтоносна и величайшая изъ всѣхъ тайнъ,— тайна крестной смерти Сына Божія. Это поразительное чудо любви Божіей къ грѣшному человѣчеству не только ярко освѣщаетъ намъ путь къ безсмертію и блаженству, но и неудержимо влечетъ къ сему пути нашу совѣсть и сердце. *„Аще единъ за всѣхъ умре, то убо вси умроша“*,—говоритъ апостолъ (2 К. 5, 14). Таковъ законъ Вѣчной Правды, и таковъ законъ истинной любви. Если Христосъ распялся и умеръ ради насъ, то и мы должны распяться и умереть ради Него. Вотъ почему Владыка Христосъ сказалъ: *„Аще кто не пріиметъ креста своего и вслѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ* (Мѳ. 10, 38)“. Не говоритъ ли намъ вмѣстѣ съ апостоломъ и совѣсть наша, что мы уже *нѣсмы свои, куплени бо есмы цѣною* (1 Кор. 6, 19). Посему ап. Павелъ, многократно свидѣтельствуя о самомъ себѣ, что онъ распялся со Христомъ и умеръ съ Нимъ, и всѣхъ истинныхъ христіанъ видитъ какъ-бы распятыми плотію на крестѣ. Распинается съ Господомъ, по апостолу, тотъ, кто распинаетъ въ себѣ ветхаго человѣка, *да упразднится тѣло грѣховное, яко ктому не работати грѣху* (Р. 6, 6). Распинается тотъ, кто умерщвляетъ *уды, яже на земли: блудъ, нечистоту, страсть, похоть злую и лихоиманіе* (Кол. 3, 5). Хочешь ли, напримѣръ, распять руки свои ради Господа, удерживай ихъ отъ всякаго зла и дѣлай руками твоими только то, что угодно Господу. Хочешь ли ноги твои пригвоздить ко кресту, удерживай ихъ отъ путей, ведущихъ въ пагубу. Если хочешь вкусить вмѣстѣ съ Господомъ горькаго напоенія, удерживай уста твои отъ всякаго слова злого, гнилого и лживаго. Хочешь ли самое сердце свое принести въ жертву Господу, Который не пощадилъ и сердца Своего ради

тебя, умертви въ сердцѣ твоемъ услажденіе грѣхомъ и всякое земное пристрастіе. Хочешь ли и умереть ради Господа и быть погребеннымъ съ Нимъ, и то возможно для тебя,—иначе не было-бы обязательнымъ,—*помышляй себе мертва быти грѣху, жива же Богови* (Р. 6, 11), чтобы ты могъ сказать о себѣ вмѣстѣ съ апостоломъ: *„уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ“* (Гал. 2, 20). Умеръ ради Господа тотъ, кто говоритъ съ апостоломъ: я не распоряжаюсь по своему желанію ни своимъ тѣломъ, ни своею душою; и тѣло мое, и душа моя—не мои, но Божіи (1 К. 6, 20). *Богъ есть дѣйствуяй во* мнѣ *и еже хотѣти, и еже дѣяти* (Фил. 2, 13).

Итакъ, что же? Къ страданіямъ ли и смерти обязываетъ насъ Господь Своею крестною смертію за насъ?—Воистину такъ, къ самораспятію и смерти;—обязываетъ потому, что только въ этомъ самораспятіи—источникъ небеснаго блаженства, только въ этой смерти грѣху залогъ вѣчной жизни. *„Вѣрно слово,*—говоритъ апостолъ,—*аще* со Христомъ *умрохомъ, съ Нимъ и оживемъ; аще терпимъ, съ Нимъ и воцаримся* (2 Т. 2, 11)“. Не съ тѣмъ Владыка Христосъ привлекаетъ ко кресту Своихъ послѣдователей, чтобы лишить ихъ всякой радости, но чтобы они получили отъ Него вѣчное царство; и не для того они умираютъ, чтобы не жить болѣе, но чтобы отъ жизни призрачной перейти къ животу дѣйствительному и вѣчному. Ко всѣмъ христіанамъ приложимы слова апостола: мы *всегда мертвость Господа Іисуса въ тѣлѣ нашемъ носимъ, да и животъ Іисусовъ въ тѣлѣ нашемъ явится. Присно бо мы живіи въ смерть предаемся Іисуса ради, да и животъ Іисусовъ явится въ мертвеннѣй плоти нашей* (2 Кор. 4, 10. 11).

Нынѣ, братіе, св. Церковь собрала насъ къ пречистому тѣлу Господа, снятому со креста, не потому, чтобы Господь нуждался въ нашемъ плачѣ и погребеніи. Не нужно погребеніе для Того, Кто возсѣдаетъ нынѣ на престолѣ славы со Безначальнымъ От-

цомъ и Божественнымъ Духомъ. *Азъ есмь Первый и Послѣднiй и Живый: и быхъ мертвъ, и се живъ есмь во вѣки вѣковъ* (Ап. 1, 18). И эти торжественныя погребальныя пѣснопѣнiя, и эти священныя траурныя облаченiя, и благоуханный дымъ кадила, и весь церковный чинъ погребенiя Господня,—все это нужно не для Господа, а для насъ самихъ: этими священнодѣйствiями св. матерь наша Церковь хощетъ возбудить въ насъ живое сознанiе нашего долга самоотверженной любви ко Господу. Потщимся, убо, братiе, покланяясь тридневно почившему во гробѣ Господу, принести Ему, яко *испытующему сердца и утробы* (Апок. 2, 23), вмѣсто мура, дары сердца нашего: обѣтъ чистоты и самоотверженной любви къ Нему, готовой на всякiя подвиги. Чтобы не было холоднымъ и безучастнымъ лобзанiе устъ нашихъ, вонмемъ призыву Его, исходящему уже не изъ устъ, но изъ отверстыхъ кровавыхъ язвъ Его: *сыне, даждь ми сердце!*

Архим. Кириллъ.

Ученiе графа Л. Н. Толстого о непротивленiи злу *).

(Отлученiе Толстого отъ церкви; нѣкоторыя черты его ученiя, объясняющiя этотъ фактъ; нравственность, какъ главное содержанiе ученiя Толстого; непротивленiе злу, какъ главный принципъ Толстовской нравственности; сужденiя богослововъ относительно сопротивленiя злу насилiемъ; новая точка зрѣнiя на этотъ вопросъ преосв. Антонiя (Храповицкаго) и проч.).

Не такъ давно, почти на этихъ дняхъ, оглашенъ былъ фактъ, подобнаго которому давно уже не помнитъ наша лѣтопись

*) Публичная лекцiя, читанная 11 марта 1901 г. предъ собранiемъ интеллигентной публики, въ залѣ Витебской мужской гимназiи, въ пользу мѣстнаго Отдѣла Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества.

церковныхъ событій. Высшая духовная власть православной русской церкви отлучила отъ общенія съ нею знаменитаго яснополянскаго философа-моралиста, графа Л. Н. Толстого.

Интересъ этого событія обусловливается не столько его рѣдкостію и необычайностію, сколько тѣмъ, что лицомъ отлученнымъ явился въ данномъ случаѣ сіятельный графъ, великій писатель земли русской, создавшій себѣ славу образцоваго художника слова и своими беллетристическими произведеніями вызвавшій цѣлую школу подражателей даже въ культурнѣйшихъ странахъ Западной Европы. Читателямъ Толстого, знакомымъ лишь съ художественными произведеніями графа и не видавшимъ его религіозно-философскихъ трактатовъ, не легко будетъ повѣрить, что этотъ неподражаемый художникъ, творчеству котораго принадлежитъ немало типовъ религіозной настроенности (припомните Платона Каратаева, отчасти Левина, Акима и др.), самъ дошелъ до полнаго отрицанія всѣхъ религіозныхъ истинъ, и даже такихъ, безъ которыхъ до сихъ поръ не обходилась ни одна еще религія. Почитатели художественнаго таланта графа Л. Н. зачастую и теперь готовы признать, что философскіе трактаты и художественная литература--это двѣ совершенно различныя области его писательской дѣятельности, въ которыхъ трудно даже и узнать одного и того же автора. Но эта ошибка давно уже исправлена литературной критикой, которая находитъ, что и по самымъ раннѣйшимъ произведеніямъ графа, каково напр. „Дѣтство, отрочество и юность", можно опредѣлить въ немъ будущаго творца тѣхъ религіозно-философскихъ идей, раскрытію и пропагандѣ которыхъ онъ посвятилъ послѣдніе десятки лѣтъ своей жизни. Не нужно даже быть и кропотливымъ изслѣдователемъ, а достаточно лишь быть внимательнымъ и вдумчивымъ читателемъ, чтобы подмѣтить, что и художественно-беллетристическія произведенія графа, особенно плоды творчества его послѣднихъ годовъ, сильно окрашены въ цвѣтъ его общихъ философскихъ воззрѣній и въ существѣ

дѣла представляютъ изъ себя ничто иное, какъ художественный комментарій на его религіозно-философскія идеи. „Смерть Ивана Ильича“, „Хозяинъ и работникъ“—что это такое какъ не художественная иллюстрація его пантеистическихъ взглядовъ на посмертную судьбу человѣка и форму его загробнаго существованія?! Художественные образы, чарующіе насъ прелестью своихъ красокъ, не могутъ скрыть отъ наблюдательнаго взора того холоднаго сомнѣнія въ истинѣ безсмертія души, въ которомъ заключается весь смыслъ послѣдней повѣсти. Едва ли даже будетъ преувеличеніемъ сказать, что беллетристика, въ которой всѣ единодушно видятъ главное призваніе графа, сведена теперь послѣднимъ на степень служебнаго орудія въ рукахъ философа и моралиста. Мыслитель въ графѣ Л. Толстомъ заслонилъ теперь собою художника и беллетриста. Ему нравится въ послѣднее время больше учить и наставлять, нежели творить и живописать. И, конечно, не эта послѣдняя дѣятельность, ко всеобщему сожалѣнію, такъ рано имъ оставленная, нашла себѣ оцѣнку въ извѣстномъ уже, безъ сомнѣнія, вамъ опредѣленіи Св. Синода, который въ своемъ посланіи къ чадамъ россійской церкви пишетъ: „изначала Церковь Христова терпѣла хулы и нападенія отъ многочисленныхъ еретиковъ и лжеучителей“... и немного далѣе: „и теперь Божіимъ попущеніемъ явился новый лжеучитель графъ Л. Толстой“... Какъ видите, знаменитый нашъ писатель и современный намъ учитель общества поставленъ въ одинъ рядъ съ такими лицами, при одномъ имени которыхъ въ нашей памяти оживаютъ времена вселенскихъ соборовъ и слышится ихъ грозное слово „анаѳема“. Дѣятельность современнаго евангелиста, какъ часто называютъ Льва Толстого за его смѣлую передѣлку и истолкованіе нашихъ евангелій, отнесена по духу къ продолженію дѣятельности тѣхъ, глубокой древностію отъ насъ сокрытыхъ, лжеучителей, которые въ своихъ хулахъ на Церковь, не имѣли, конечно, особенныхъ побужденій быть сдержанными. И тѣмъ не менѣе за все время

своего многовѣковаго существованія Церкви Христовой никогда еще, кажется, не приходилось считаться съ такою, почти непонятною, къ себѣ ненавистію, какою дышатъ всѣ сочиненія графа Толстого. Едва ли она слышала также когда-нибудь столько хулы и порицаній себѣ, сколько ихъ вышло изъ-подъ пера этого „извѣстнаго міру писателя, православнаго по рожденію и воспитанію“, какъ говорится въ томъ же синодскомъ опредѣленіи.— Мы чувствуемъ, что наша мысль многимъ почитателямъ Толстого покажется слишкомъ смѣлой и, пожалуй, пародоксальной. Но чтобы кто-нибудь не подумалъ, что въ насъ говоритъ богословская нетерпимость ко всякому проблеску свободомыслія или,—что еще хуже,—желаніе поглумиться надъ непризнаннымъ Церковію евангелистомъ, мы поспѣшимъ представить на вашъ судъ и основанія своей мысли.

Прислушиваясь къ тому, что говорили на соборахъ, и чему учили въ своихъ писаніяхъ древніе еретики, вы легко замѣтите, что своего религіознаго разномыслія съ Церковію они никогда не доводили до полнаго отрицанія всей ея доктрины. Возставая противъ того или другого пункта христіанскаго вѣроученія, отрицая иногда даже цѣлую серію христіанскихъ догматовъ, они въ то же время сохраняли въ себѣ вѣру въ другіе догматы и никогда, по крайней мѣрѣ, не теряли охоты слушать доводы и возраженія своего противника. Судите же сами, какъ далеко ушелъ отъ нихъ въ этомъ отношеніи графъ Л. Н. Толстой, который не только отвергъ всю доктрину, весь строй христіанской церкви, не оставивши отъ нихъ и камня на камнѣ, но еще и тщательнѣйшимъ образомъ оберегаетъ себя отъ того, чтобы до его слуха какъ-нибудь не дошло то, что противъ него говорятъ и пишутъ въ защиту Христовой Церкви и ея ученія. Въ составѣ послѣдняго нельзя отыскать ни одного такого пункта, къ которому бы хотя малую долю уваженія сохранилъ знаменитый философъ и моралистъ. Онъ дошелъ до полнаго отрицанія не только догматовъ

Христовой вѣры, но даже и такихъ религіозныхъ истинъ, которыя не менѣе его скептическій умъ Канта признавалъ постулятами человѣческаго разума, каковы напр. истины: бытія Личнаго Бога и безсмертія души. „Что такое Богъ“, спрашиваетъ Толстой въ одномъ мѣстѣ, и отвѣчаетъ: „это ничего не выражающее слово, что-то непонятное, которому онъ въ другомъ мѣстѣ даетъ имя „разумѣнія жизни“. „Въ началѣ было разумѣніе жизни; разумѣніе жизни было вмѣсто Бога; разумѣніе жизни стало Богомъ“,— вотъ какъ передаетъ современный намъ евангелистъ смыслъ высокопоэтическихъ словъ богословствованія св. евангелиста Іоанна Богослова.—Безсмертіе души, вѣрою въ которое одушевляется все человѣчество въ своемъ стремленіи къ духовному совершенствованію, для графа Толстого представляется лишь жалкимъ суевѣріемъ, выдумкой современныхъ книжниковъ и фарисеевъ, какъ онъ величаетъ нашу іерархію.—Если таково отношеніе гр. Толстого къ истинамъ вѣры общечеловѣческой, то легко себѣ представить, каково должно быть его отношеніе къ вѣрованіямъ собственно христіанскимъ. І. Христосъ, вѣра въ Божество котораго составляетъ весь смыслъ христіанства, для него не болѣе, какъ обыкновенный человѣкъ, котораго только по ошибкѣ считали сыномъ Іосифа. Не зная Своего подлиннаго отца, Онъ и приходитъ къ мысли, что Онъ Сынъ Бога.—Страданія І. Христа, предъ которыми въ глубокомъ смиреніи останавливается искупленный ими человѣкъ, въ нашемъ мыслителѣ вызываютъ слѣдующій столько же короткій, сколько и циничный комментарій: „1800 лѣтъ тому назадъ явился какой-то нищій и что-то говорилъ; его высѣкли и повѣсили“. Древніе лжеучители, даже тѣ, которые не раздѣляли вѣры въ Божество Христа, все же говорили о Немъ въ болѣе почтительномъ тонѣ.—Трудно представить себѣ человѣка, въ душѣ котораго не осталось бы мѣста ни для одного святого чувства. А между тѣмъ посмотрите, какъ самыя святыя христіанскія чувства служатъ для Толстого предметомъ лишь злой насмѣшки.

Священныя таинства христіанской Церкви даютъ ему только лишній поводъ къ кощунственному глумленію надъ ними.—Да проститъ мнѣ ваше религіозное чувство слѣдующую выдержку изъ послѣдняго религіозно-философскаго трактата графа Л. Н., въ которой развязность тона и откровенный цинизмъ содержанія доходитъ до послѣдней степени неприличія. „Дѣятельность церкви", пишетъ графъ въ своемъ „Царство Божіе внутри васъ", „состоитъ въ томъ, чтобы всѣми возможными мѣрами внушить стомилліонной массѣ русскаго народа тѣ отсталыя, отжившія, не имѣющія теперь никакого оправданія вѣрованія, которыя когда-то исповѣдывали чужіе намъ люди, въ которыя теперь почти никто уже не вѣритъ, часто даже и тѣ, на обязанности которыхъ лежитъ распространеніе этихъ ложныхъ вѣрованій". „Чему", спрашиваетъ далѣе авторъ, „чему старательно и неопустительно учатъ у насъ народъ? Чего отъ насъ требуютъ во имя т. н. Христовой вѣры? При самомъ рожденіи ребенка родителямъ внушается, и даже требуется отъ нихъ подъ страхомъ наказанія за неисполненіе, чтобы ребенокъ былъ непремѣнно крещенъ, т. е. обмокнутъ священникомъ трижды въ воду, при чемъ читаются никому непонятныя слова и совершаются еще менѣе понятныя дѣйствія. Потомъ внушается родителямъ, что ребенка надо причастить, т. е. дать ему подъ видомъ хлѣба и вина съѣсть частицу тѣла Христова. Потомъ внушается, что этого ребенка, по мѣрѣ возраста, надо выучить молиться. А молиться значитъ становиться прямо предъ досками, на которыхъ нарисованы лица Христа, Богородицы и святыхъ, и кланяться головой, всѣмъ тѣломъ, а правой рукой со сложенными извѣстнымъ образомъ пальцами дотрогиваться до лба, до плечъ, до живота и произносить при этомъ славянскія слова".—Прибавимъ кстати, что одну изъ величайшихъ святынь Москвы и всей Россіи графъ прямо называетъ „безобразнымъ идоломъ, кощунственно развозимымъ по городу пьяными людьми".—Потомъ внушается въ праздники ходить въ церковь, покупать и ставить свѣчи, по-

давать записочки для поминанія и хлѣбцы для вырѣзыванія изъ нихъ треугольничковъ. Потомъ внушается говѣть. Говѣть значитъ пойти въ церковь и сказать священнику свои грѣхи, предполагая, что это сообщеніе чужому человѣку своихъ грѣховъ совершенно очищаетъ отъ нихъ, а потомъ съѣсть съ ложечки кусочекъ хлѣба съ виномъ, что еще болѣе очищаетъ. Предъ смертію же внушается, что человѣкъ непремѣнно долженъ съѣсть съ ложечки хлѣба съ виномъ, а еще лучше если успѣетъ помазаться масломъ“ и т. д. и т. д. „И эта вѣра, заключаетъ Толстой свои глумленія надъ ней, образчики которыхъ мы привели лишь въ самыхъ общихъ извлеченіяхъ, называется православной, т. е. настоящей вѣрой“ („Царство Божіе внутри васъ“ ч. I, стр. 102 и дал.). Вы видите, въ какомъ каррикатурномъ видѣ представлены здѣсь святѣйшія таинства православной церкви и тайны нашей вѣры. Сравните все это съ тѣмъ, что было писано Толстымъ относительно нашего богослуженія и таинства церкви въ одной изъ главъ его „Воскресенія“, не вошедшей, правда, въ печатное изданіе этого романа, но ходившей по рукамъ публики; и судите, много ли было преувеличенія въ нашихъ словахъ о томъ, что древніе лжеучители никогда не изрекали на церковь столько хулы и порицанія, сколько въ слухъ всего міра наговорилъ ей графъ Толстой. Нужно ли же послѣ этого удивляться, что Церковь, наконецъ, возвысила свой голосъ противъ того ненормальнаго положенія, при которомъ православный по рожденію и воспитанію сынъ ея отказываетъ ей въ самой малой доли уваженія? Теперь она выяснила свои отношенія къ нему, какъ и онъ самъ за много лѣтъ ранѣе высказалъ свой взглядъ на Церковь, когда отказывалъ ей даже въ наименованіи Христовой, увѣряя, будто Церковь на мѣсто Христа выдумала какого-то Духа Св., которымъ совершенно и заслонила личность своего Основателя, такъ что къ ней болѣе бы шло названіе „Святодуховской“, нежели Христовой или христіанской. И вотъ эта то Святодуховская церковь, сознавши безплодность „бывшихъ къ его

вразумленію попытокъ", силою и властію Духа Св., отлучила его, какъ преслушавшаго голосъ Церкви и изрекшаго хулу на Духа Св., отъ общенія съ собою. Напрасно, какъ бы въ свое оправданіе, графъ не такъ давно писалъ, что „теперь и сами духовныя лица стараются обходить въ своихъ проповѣдяхъ ту самую ложь, которая составляетъ весь смыслъ ихъ положенія, и которую они призваны проповѣдывать" („Царство Божіе"... ч. II, стр. 88—89). Подобная любезность по адресу православнаго духовенства можетъ быть сочтена лишь за новое глумленіе надъ нимъ и его дѣятельностію. Никто еще никогда изъ среды духовенства не отрицалъ основъ вѣры и благочестія, напротивъ, мы могли бы назвать цѣлый сонмъ православныхъ іерарховъ, которые всю силу ума и природныхъ талантовъ, все богатство эрудиціи и остроту глубокомыслія посвящали раскрытію нравственно-просвѣтительнаго вліянія таинствъ, обоснованію церковныхъ вѣрованій и изъясненію глубокосодержательныхъ идей, заложенныхъ въ наши священнодѣйствія [1]).

Мы указали лишь весьма немногіе черты религіозно-отрицательныхъ воззрѣній графа Л. Н. Толстого, не дѣлая даже попытки привести ихъ въ цѣльную систему. Обойти совсѣмъ молчаніемъ вопросъ о религіозномъ разномысліи Толстого съ Церковію намъ казалось неудобнымъ въ виду того, что для многихъ фактъ отлученія графа отъ Церкви показался—не то, чтобы несправедливымъ или незаконнымъ, а, по меньшей мѣрѣ, непонятнымъ. Вѣдь, полагаемъ, ни для кого не тайна, что религіозно-философскія сочиненія Л. Толстого, въ большинствѣ случаевъ изданныя за границей, не могли получить у насъ правъ цензурнаго гражданства, такъ что и самыя религіозныя воззрѣнія графа далеко не столь общеизвѣстны, какъ содержаніе и характеръ его беллетристическихъ произведеній. Конечно, каждому изъ насъ приходилось

---

1) Епископъ Антоній „Полное собраніе сочин." т. III, стр. 252—253).

слышать о Толстомъ, что онъ во многое не вѣритъ, весьма многое отрицаетъ, но мало ли теперь людей, практически не вѣрующихъ. За что же вдругъ на него такая кара со стороны Церкви, и при томъ въ такое время, когда факты отлученія отъ нея готовы были отойти въ область далекаго прошлаго и стать почти историческимъ пережиткомъ? Пролить хотя немного свѣта на эти для многихъ недоумѣнные и неясные вопросы и было цѣлію всего, до сихъ поръ сказаннаго.

Но при всемъ томъ нашею главною задачею служила не характеристика религіозно-философскихъ взглядовъ графа Л. Н., а изложеніе его нравственно-практическихъ воззрѣній. Почему именно эту сторону его ученія избрали мы предметомъ настоящаго чтенія, въ объясненіе этого считаемъ нелишнимъ указать на слѣдующее. Во-первыхъ, самъ Левъ Николаевичъ, дѣля все содержаніе евангельскаго ученія на двѣ части—догматическую или, по его терминологіи, метафизическую, и ифическую, отдавалъ рѣшительное предпочтеніе послѣдней предъ первой. Считая первую (догматическую) лишь историческимъ наслоеніемъ или просто наростомъ на подлинномъ ученіи Христа, плодомъ религіозныхъ суевѣрій и сознательнаго обмана со стороны церковной іерархіи, онъ все значеніе и весь смыслъ евангелія полагалъ въ нравственномъ его содержаніи. Если бы, не разъ говаривалъ графъ Толстой, отъ евангелій не осталось ничего, кромѣ нагорной проповѣди, то и въ такомъ случаѣ ученіе Христа нисколько бы не потеряло въ своей цѣнности.

Во-вторыхъ, даже тѣ изъ почитателей Толстого, которые не особенно, по-видимому, склонны довѣрять его религіозно-философскому авторитету и ученію, все же не иначе, какъ съ величайшей похвалой отзываются о нравственно-практическихъ его воззрѣніяхъ. Имъ кажется, что не смотря на безпощадное отрицаніе всѣхъ догматовъ евангельскаго ученія, учитель ихъ глубоко понялъ и какъ нельзя лучше раскрылъ нравственное содержаніе этого

ученія. Нравственная доктрина Толстого представляется глазамъ его послѣдователей такой неприступной скалой, что подъ прикрытіемъ ея они надѣются найти совершенно безопасную и неуязвимую позицію въ дѣлѣ защиты своего учителя отъ нападеній его противниковъ. Такимъ образомъ, и по намѣреніямъ самого графа, и по мысли его сторонниковъ, центръ тяжести его ученія слѣдуетъ искать не въ отрицаніи имъ церковнаго вѣроученія, а въ разъясненіи нравственнаго содержанія евангельской истины, въ установкѣ и указаніи правилъ жизни, составленныхъ въ духѣ подлинной будто-бы евангельской морали.

Но вы, быть можетъ, спросите: какъ же при полномъ отрицаніи христіанской догматики яснополянскому мыслителю удалось еще сохранить уваженіе къ евангельскому нравоученію, когда эти двѣ области до того тѣсно между собою связаны, что обычно представляются у богослововъ двумя лишь сторонами одного и то же ученія? Какъ можно напр. сохранить ученіе о любви христіанской, признавая логическимъ абсурдомъ догматъ о Св. Троицѣ и выдумкой священниковъ догматъ о Божествѣ І. Христа? Вдумывался ли въ эту связь самъ графъ Л. Н., мы этого не знаемъ, но намъ извѣстно, что эти двѣ области христіанскаго ученія онъ считалъ столь же несмѣсимыми, какъ не смѣсимы масло и вода. Поэтому-то онъ и рѣшился, какъ самъ о себѣ говорилъ, „создать мораль безъ догматовъ“, изъяснить „нагорную проповѣдь безъ никейскаго символа вѣры“ [1]). Зачѣмъ же ему понадобилось разрывать эту несомнѣнно-существующую и органически тѣсную связь между областью вѣроученія и нравственности христіанской? Затѣмъ, конечно, чтобы, отнюдь не поступаясь своими религіозными воззрѣніями на христіанство, самую общую характеристику которыхъ мы уже представили выше, выбрать себѣ изъ него (Х—ства) столько нравственнаго содержанія, сколько это можно

1) У Буткевича „Послѣднее сочиненіе графа Л. Н. Толстого“ стр. 42.

было сдѣлать безъ противорѣчія основнымъ религіозно-кантеистическимъ взглядамъ. Но отвергая догматы и символъ вѣры, т. е. все христіанское вѣроученіе, графъ Толстой и высокія начала христіанской нравственности, всецѣло обращенныя къ внутреннему человѣку, передѣлываетъ въ какія-то бездушныя и механическія правила внѣшней жизни и внѣшняго поведенія. Если, какъ мы уже показали, религіозныя воззрѣнія графа Толстого характеризуются огульнымъ отрицаніемъ догматовъ вѣры, то его нравственно-практическіе взгляды представляютъ изъ себя сплошное отрицаніе всѣхъ существующихъ на землѣ порядковъ, всего государственнаго, общественнаго и даже частнаго быта. Все разнообразіе требованій евангельскаго нравственнаго закона Толстой свелъ къ слѣдующимъ пяти заповѣдямъ: 1) не гнѣвайся, 2) не разрывай связи съ женщиною, съ которою разъ сошелся, 3) не клянись, 4) не судись и 5) не воюй. А эти 5 заповѣдей въ свою очередь объединяются въ одной еще болѣе общей—„не противься злому“ и въ сущности представляютъ изъ себя ничто иное, какъ приложеніе ея къ разнымъ случаямъ жизни. Отсюда ясно, что, для правильнаго пониманія пяти частныхъ заповѣдей, необходимо выяснить смыслъ коренной заповѣди о непротивленіи злу. Безъ надлежащаго разумѣнія этой послѣдней понять и изъяснить мораль Толстовскую такъ же невозможно, какъ безъ ученія о любви нельзя понять нравственности христіанской. Такъ что же это за принципъ непротивленіе злу? Какъ до него дошелъ нашъ знаменитый моралистъ и какой смыслъ вложилъ онъ въ эту основную заповѣдь своего новаго евангелія и своей новой вѣры?

Въ нагорной проповѣди, которая одна, по замѣчанію Толстого, стоитъ всего остального евангельскаго ученія, въ стихахъ 38 и 39 пятой главы евангелія отъ Матѳея, находятся слѣдующія слова Христа Спасителя: „вы слышали, что сказано (разумѣется въ законѣ Моисеевомъ): око за око, и зубъ за зубъ. А я вамъ говорю: не противься злому. Но кто ударитъ тебя въ правую

щеку твою, обрати къ нему и другую". „Хотя и прежде, замѣчаетъ по поводу этой заповѣди графъ Левъ Толстой, слова эти занимали и привлекали меня, но я видѣлъ въ нихъ такое требованіе терпѣнія и самоотверженія, которое просто на просто противно человѣческой природѣ. Раньше я думалъ, что Христосъ этими словами восхваляетъ страданія и лишенія, восхваляя же преувеличиваетъ и потому выражается не точно и не ясно (все дѣло объясняется, значитъ, гиперболой въ рѣчи Христа). Но вдругъ понялъ эти слова въ ихъ подлинномъ смыслѣ и мнѣ сразу стало ясно то, что Христосъ говоритъ. Онъ говоритъ: не противьтесь злу; дѣлая же это напередъ знайте, что могутъ найтись люди, которые, ударивши васъ въ правую щеку, ударятъ васъ и въ лѣвую, если вы не окажете сопротивленія, воспользовавшись одной вашей работой, заставятъ васъ еще больше работать на себя и т. д. И вотъ, когда это будетъ происходить съ вами, вы все-таки не противьтесь злу. И какъ только понялъ я слова эти въ ихъ подлинномъ смыслѣ, для меня тотчасъ же стало яснымъ все, что доселѣ было темно, и казавшееся преувеличеніемъ сдѣлалось точнымъ. Я понялъ, что Христосъ отнюдь не требуетъ, чтобы мы ради страданій подставляли щеку, но Онъ требуетъ лишь, чтобы мы не противились злу, замѣчая, что намъ, быть можетъ, придется и страдать". Пояснимъ все это примѣромъ самого же графа. Отецъ отправляетъ сына въ далекую дорогу. Онъ не повелѣваетъ ему проводить ночи безъ сна, дни безъ пищи, зябнуть, мокнуть и проч., но говоритъ: „иди, сынъ мой, своей дорогой, если даже тебѣ придется переносить холодъ и голодъ, ты все же иди дальше". Точно такъ же и Христосъ не говоритъ: „подставляйте щеки, но только замѣчаетъ: „не противьтесь злу, хотя бы васъ и били по щекѣ". „Итакъ, не противьтесь злу никогда и никакими способами" [1]).—Что же это за простой и ясный способъ толкованія,

---

1) „Въ чемъ моя вѣра"—цитатъ см. у Гусева „Основныя правила въ

который привелъ новаго евангелиста къ открытію подлиннаго смысла словъ Христовыхъ о непротивленіи злу, которыя, если вѣрить графу, въ теченіе 1800 лѣтъ намѣренно и сознательно искажались церковной іерархіей? Способъ этотъ заключается въ томъ, что собственныя слова Христовы Толстой противопоставилъ словамъ, заимствованнымъ Христомъ изъ Ветхаго Завѣта, увидѣвши въ первыхъ категорическое отрицаніе послѣднихъ. „Вы слышали, что сказано въ законѣ", говоритъ Христосъ, „око за око и зубъ за зубъ. А я вамъ говорю: не противьтесь злу, но если васъ ударятъ по щекѣ, вы подставьте и другую". Послѣднія слова Христа Спасителя содержатъ въ себѣ лишь пополненіе и, если можно такъ выразиться, одухотвореніе мертвой буквы закона Моисеева. Этотъ послѣдній кажется Толстому слишкомъ черствымъ и жестокимъ, такъ какъ имъ узаконяется месть. Христосъ, упраздняя силу этого закона мести, ставитъ на мѣсто его законъ милости и всепрощенія. Однако, не трудно будетъ показать, что приведенная статья ветхозавѣтнаго закона отнюдь не поощряла мстительности подзаконнаго человѣка, а какъ разъ наоборотъ—предупреждала въ немъ развитіе этого чувства, удерживая его въ границахъ справедливости. Вѣдь съ точки зрѣнія идеи чистой справедливости никакъ не будетъ дѣломъ незаконнымъ, если я за выбитый мнѣ зубъ отплачу своему обидчику тѣмъ же. Я не обнаружу при этомъ смиренія и терпѣнія, но не сдѣлаю и несправедливости [1]). Какая же имѣлась въ виду цѣль при сообщеніи людямъ чрезъ Моисея этого закона—„око за око и зубъ за зубъ"? Удержать ветхозавѣтнаго человѣка, нравственно еще весьма несовершеннаго и жестокаго, а потому и неспособнаго къ прощенію при

правоученіи графа Л. Толстого"—Чтенія въ Общ. люб. дух. просвѣщ. 1892 г., окт., стр. 349.

1) Ср. у Орфано въ „Чтен. Общ. люб. дух. просв." 1886 г., сентябрь, стр. 253 и дал.

чиняемыхъ ему обидъ, удержать отъ мести, которая, какъ всѣмъ извѣстно, тѣмъ именно и характеризуется, что, овладѣвши сердцемъ человѣка, она лишаетъ его способности довольствоваться только справедливымъ возмездіемъ, но сверхъ того стремится причинить обидчику какъ можно больше зла. Такова была всегда природа мести, что она не любитъ стѣсняться представленіемъ о равномъ воздаяніи за обиду Отсюда ясно, что, дозволяя обиженному платить своему обидчику только равною обидою, законъ Моисеевъ этимъ самымъ сокращалъ мстительность ветхозавѣтнаго человѣка, вводя ее въ границы лишь справедливаго возмездія. I. Христосъ не отмѣняетъ безусловно этого закона, потому что это значило бы отрицать идею справедливости, лежащую въ основѣ этого закона, но Онъ возводитъ своихъ послѣдователей на высшую степень нравственнаго совершенства, указывая имъ лучшій способъ дѣйствованія въ случаяхъ обиды. „Я же вамъ говорю: не противьтесь злу“, т. е. хотя ветхозавѣтный законъ и разрѣшаетъ справедливое возмездіе за обиду, но лучше бы было, если бы вы не прибѣгали къ этому закону, и не спѣшили возстановлять попранную справедливость, воздавая зломъ за зло, короче—для васъ было бы лучше не противиться злу,—почему?—да потому, что выше закона справедливости естъ законъ терпѣнія и благодушнаго перенесенія обидъ. Какъ видите, въ заповѣди Христа мы открыли пока только отрицательный смыслъ, указывающій намъ, чего бы намъ не слѣдовало дѣлать: мы не должны бы зломъ платить за зло. —Графъ Толстой глубже этого въ смыслъ заповѣди о непротивленіи злу и не проникъ, и на этомъ чисто отрицательномъ пониманіи ея остановился, возводя, такимъ образомъ пассивное или страдательное отношеніе къ причиняемому намъ злу въ верховный принципъ евангельской нравственности. Это-то намъ и кажется особенно страннымъ, что заповѣдь чисто отрицательнаго свойства, указывающая намъ (и то не ясно) лишь то, чего мы не должны дѣлать, возведена яснополянскимъ моралистомъ на степень

всеобъемлющаго и всеопредѣляющаго правила человѣческой жизни. А между тѣмъ Христосъ не остановился на этомъ отрицательномъ законѣ жизни, но вслѣдъ за отрицательнымъ смысломъ заповѣди о непротивленіи злу, желая возвести, какъ говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ [1]), своихъ послѣдователей еще на высшую ступень нравственнаго совершенства, указываетъ имъ и то, что именно они должны дѣлать, когда имъ причиняютъ обиды или зло. Они не только не должны платить зломъ за зло, но и воздавать еще добромъ за зло. „Если кто возьметъ у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду, если кто заставитъ тебя пройти съ собою версту, пройди съ нимъ и другую" и т. д. (Мѳ. V, 40, 41). Это уже не есть только непротивленіе злу, за воздаяніе за него добромъ. Ветхозавѣтному человѣку позволялось изъ снисхожденія къ его нравственной неразвитости въ отношеніяхъ къ обидчику руководиться закономъ справедливости. Христосъ, оставляя въ силѣ этотъ законъ для тѣхъ, кто по своему нравственному настроенію не возвышался надъ ветхозавѣтнымъ человѣкомъ, рекомендуетъ истиннымъ своимъ послѣдователямъ, какъ болѣе совершеннымъ, замѣнить законъ возмездія закономъ всепрощенія или непротивленія злу, указывая въ то же время, что для ищущихъ высшаго совершенства есть и еще болѣе совершенный законъ,—законъ воздаянія за зло добромъ. На самой вершинѣ этого закона, если можно такъ выразиться, Христомъ написана заповѣдь о любви къ врагамъ (Мѳ. V, 44), предъ которою въ недоумѣніи остановился современный намъ евангелистъ, полагая, что „врагу самое большее можно развѣ не вредить, но любить его нельзя" [2]). Итакъ, вотъ въ чемъ заключается самое общее различіе въ пониманіи заповѣди о непротивленіи злу у графа Л. Н. Толстого и въ экзегетикѣ православно-христіанской.

---

1) Читай „Бесѣды на Матѳ." ч. I, М. 1846, стр. 369 и дал.
2) В чемъ моя вѣра... цитатъ см. у Антонія III т., стр. 129.

Но чтоже разумѣетъ графъ подъ зломъ, противиться которому, особенно насильственнымъ способомъ („насиліемъ"), считаетъ дѣломъ недостойнымъ и противнымъ духу ученія Христова? Самъ онъ не опредѣляетъ, что такое зло и мало того—не находитъ и возможнымъ дать точнаго опредѣленія зла. Изъ того факта, что одни люди считали нерѣдко зломъ то, что другими почиталось за добро, нашъ писатель приходитъ къ парадоксальному выводу, будто обязательнаго для всѣхъ опредѣленія зла нѣтъ и быть не можетъ („Царство Божіе", стр. 277, 273 и др.). Но онъ указываетъ много частныхъ видовъ зла въ жизни. Такъ, представленіе о Богѣ, какъ особенномъ отъ человѣка, существѣ и поклоненіе Ему—есть зло; плотская жизнь—есть зло; православные учители—самое лютое зло; клятва—есть зло; война—тоже зло; суды—зло и мн. другое. „Согласитесь сами, что все это такія разнородныя и несоизмѣримыя величины, которыя никакъ не могутъ быть приведены къ одному знаменателю" [1]). Но все же и поименованныхъ видовъ зла для насъ будетъ достаточно, чтобы на почвѣ ихъ представить нѣсколько примѣровъ для поясненія знаменитаго толстовскаго принципа.

На нашу границу напали китайцы. Можемъ ли мы участвовать въ оборонѣ своего отечества, и можетъ ли само государство пойти на защиту своихъ владѣній отъ желтокожихъ? Ни подъ какимъ видомъ! не только потому, что война есть величайшее зло, и, стало быть, противиться ему не слѣдуетъ, но и потому еще, что Христосъ прямо запретилъ всякія войны, когда сказалъ: „любите враги ваша". Эти послѣднія слова Толстой не нашелъ возможнымъ объяснить какъ-нибудь иначе, какъ только въ томъ смыслѣ, что врагами нашими Христосъ называетъ не нашихъ личныхъ враговъ или обидчиковъ, а всѣхъ чужестранцевъ, на подобіе

---

1) Свящ. Н. Елеонскій „О новомъ евангеліи графа Толстого", Москва, 1887 г., стр. 43.

того, какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ врагами у евреевъ назывались всѣ иноплеменники. Отсюда Толстой выводитъ заповѣдь, запрещающую полагать различіе между соотечественниками и иностранцами, а стало быть, и воевать съ послѣдними. Война безусловно противна духу ученія Христова, а потому развѣ только въ насмѣшку можно называть солдатъ и ихъ начальниковъ „христолюбивыми“—такъ разсуждаетъ яснополянскій моралистъ. Поэтому, когда ты видишь или слышишь, что твоему отечеству угрожаютъ внѣшніе враги, не спѣши браться за оружіе и даже не молись объ избавленіи „отъ врага и супостата“, „отъ нашествія иноплеменниковъ“, потому что злу не слѣдуетъ противиться никакими способами—не только физическимъ (чрезъ насиліе), каково напр. оружіе, но даже—строго говоря—и нравственнымъ, какова напр. молитва.

Представимъ и другой примѣръ.—Неизвѣстными злоумышленниками на моихъ глазахъ расхищается мое имущество. Могу ли я вступиться за свои права и свою собственность? И если я лишенъ возможности отстоять ихъ силою, то позволительно-ли, по крайней мѣрѣ, обратиться подъ защиту закона и законныхъ судей? Боже меня сохрани! Вѣдь этимъ я не только обнаружу сопротивленіе злу, но и нарушу прямую заповѣдь Христа, которая гласитъ: „не судите, да несудими будете“ (Мѳ. VII, 1). Эту заповѣдь Христа Спасителя Толстой толкуетъ не въ смыслѣ запрещенія частныхъ пересудъ или злословій ближняго, а въ смыслѣ запрещенія всякихъ вообще судовъ—общественныхъ и государственныхъ. Эту именно мысль онъ и выразилъ въ своей четвертой заповѣди—„не судись“, т. е. не не суди только, но и не судись, иначе—не ходи въ судъ, не обращайся къ суду. Если цѣль судовъ состоитъ въ томъ, чтобы задерживать развитіе зла и возстановлять разстроенный преступникомъ порядокъ жизни, иначе—въ томъ, чтобы противиться злу, то выше всякаго сомнѣнія должно быть то, что наши суды и судьи разсчитывать на благоволеніе къ себѣ

со стороны яснополянскаго мыслителя не могутъ. Да и не одни только суды бичуетъ своимъ ѣдкимъ словомъ насмѣшки нашъ знаменитый художникъ слова, а и всѣхъ вообще государственныхъ чиновниковъ, саму верховную власть, все государство вообще, поскольку у всѣхъ ихъ имѣется въ виду одна цѣль—насильственное сопротивленіе злу и охраненіе порядка. Какъ видите, это самая откровенная проповѣдь соціализма, направленная къ разрушенію всѣхъ устоевъ общественной и государственной жизни. Наша жизнь и порядокъ въ ней держатся законами, но графъ Толстой находитъ, что чѣмъ усерднѣе кто исполняетъ законы государственные, тѣмъ дальше уклоняется отъ духа ученія Христова. Вотъ случай, самимъ Львомъ Николаевичемъ разсказанный въ качествѣ иллюстраціи къ только-что высказанному положенію о противорѣчіи законовъ гражданскихъ закону евангельскому.— Въ виду пріѣзда Высочайшихъ Особъ въ Москву, полиціи предписано было не пропускать никого, особенно нищихъ, къ Кремлевскому дворцу. Но одинъ калѣка обманулъ бдительность городового и пробрался было уже къ самому дворцу. Замѣтивши его, блюститель порядка поспѣшилъ въ погоню за нищимъ и уже близокъ былъ къ тому, чтобы, догнавши, вразумить какъ слѣдуетъ несчастную жертву своей оплошности; какъ вдругъ онъ остановленъ былъ случайно проходившимъ графомъ, который спросилъ его: „развѣ ты не знаешь, что твоя вѣра запрещаетъ причинять обиды ближнимъ, а тѣмъ болѣе несчастнымъ и калѣкамъ?“ Грозный стражъ порядка сразу поникъ головой, очевидно, разсуждая про себя, какъ это могло случиться, что онъ, желая лишь въ точности исполнить волю начальства и данное имъ предписаніе, оказался въ противорѣчіи съ волей Божіей, выраженной чрезъ Христа? Но раздумье его продолжалось недолго. Оправившись отъ смущенія и измѣривши полупрезрительнымъ взглядомъ случайнаго собесѣдника, городовой спросилъ: „а ты полицейскій уставъ читалъ?“ —Роли сразу же перемѣнились. Городовой съ побѣдонос-

нымъ видомъ отправился на свой постъ, а графъ въ глубокомъ раздумьи продолжалъ свой путь чрезъ Кремль. О чемъ онъ думалъ? О томъ, вѣроятно, что невозможно въ одно и то же время исполнять въ жизни законъ евангельскій и требованія законовъ гражданскихъ: исполнишь одинъ, нарушишь другіе. А отъ чего такъ? Да отъ того, какъ кажется графу Толстому, что одинъ (законъ евангельскій) проповѣдуетъ о непротивленіи злу насиліемъ, а другіе (законы государства) всецѣло основаны на насиліи и насиліемъ же поддерживаются.

Позволимъ себѣ привести и еще одинъ примѣръ на правило непротивленія злу.—Нашу страну постигъ голодъ, т. е. зло, какъ обыкновенно принято называть его, физическое. Можно ли бороться съ нимъ, т. е. можно напр. подавать милостыню голодающимъ, устраивать для нихъ общественныя столовыя, собирать и дѣлать пожертвованія и т. п.? Не будь это зло, тогда, конечно можно-бы; но такъ какъ голодъ—зло, то и бороться съ нимъ безъ нарушенія заповѣди Христовой невозможно. Въ какомъ именно смыслѣ и отвѣтилъ сначала графъ Л. Толстой на обращенные къ нему въ печати вопросы о томъ, позволительно ли бороться и какими мѣрами съ надвигавшеюся голодовкою 1891—92 г. Но затѣмъ, когда отвѣтъ этотъ оттолкнулъ своею черствостію даже наиболѣе фанатичныхъ послѣдователей графа, послѣдній, желая, видимо, загладить дурное впечатлѣніе, вызванное въ обществѣ его отвѣтомъ, поспѣшилъ самъ въ районъ голодной мѣстности, гдѣ и создалъ цѣлую сѣть общественныхъ столовыхъ, не переставая все время голодовки взывать къ общественной сострадательности и получать чрезъ посредство своей супруги массу денежныхъ и всякихъ иныхъ пожертвованій на голодающихъ [1]). Отмѣтить этотъ фактъ тѣмъ болѣе стоитъ, что ссылка на „любвеобильный“ харак-

1) Гусевъ „Основныя правила въ правоученіи гр. Л. Толстого“, Чт. въ общ. люб. дух. просв. 1893 г., стр. 150.

теръ графа Льва Никол. часто фигурируетъ у его защитниковъ въ качествѣ одного изъ крупныхъ доводовъ въ пользу возвышеннаго характера нравств. ученія графа [1]).

Живо помнится намъ, какъ вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ огромнаго трактата Толстого „Царство Божіе внутри васъ", четыре пятыхъ котораго, по замѣчанію преосв. Антонія, посвящены раскрытію и обоснованію знаменитаго принципа непротивленія злу насиліемъ, одинъ свѣтскій писатель на страницахъ „Русскаго Богатства" (кажется за 93 г.) слѣдующимъ примѣромъ пародировалъ этотъ принципъ. Извѣстно, что и до настоящаго времени толстовцы собираются въ особыя общины (скиты) или колоніи, гдѣ и устраиваютъ свою жизнь на началахъ непротивленія злу насиліемъ. Случилось въ одной изъ такихъ колоній, что теленокъ на глазахъ своихъ хозяевъ (колонистовъ) взошелъ на полосу съ овсомъ и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, принялся не столько ѣсть, сколько топтать труды рукъ усердныхъ колонистовъ. Чего-бы, кажется, естественнѣе было согнать теленка съ полосы, но такъ какъ это значило бы воспротивиться злу насиліемъ, то наши колонисты, правда, послѣ долгихъ споровъ и разсужденій, рѣшились лучше махнуть рукой на овесъ, чѣмъ на теленка, чтобы прогнать его, и послѣдній безнаказанно продолжалъ бродить на полосѣ господъ непротивленцевъ. Какая, подумаешь, выдержанность?! И тѣмъ не менѣе, когда одинъ духовный критикъ напечаталъ въ газетѣ статью, въ которой позволилъ себѣ неодобрительно отозваться на счетъ ученія Толстого о непротивленіи злу насиліемъ, тогда тѣ же самые непротивленцы написали и послали ему одно за другимъ цѣлыхъ 32 ругательныхъ письма, въ которыхъ угрожали всѣми ужасами насилія—отъ обѣщанія „наплевать въ физіономію" до намѣренія „избить безъ пощады" [2]).

---

1) Ibid. стр. 149.

2) Буткевичъ, „Послѣднее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царство Божіе внутри васъ". Харьковъ. 1894 г., стр. 8.

Однако мы слишкомъ долго задержались на истолкованіи и поясненіяхъ Толстовскаго принципа о непротивленіи злу насиліемъ. Намъ предстоитъ теперь обратиться къ ученію Церкви и выслушать ея голосъ относительно того, позволительно ли, съ ея точки зрѣнія, противиться злу. Христіанское пониманіе заповѣди о непротивленіи злу мы уже представили выше. Теперь же намъ хотѣлось бы собрать и представить данныя для рѣшенія вопроса собственно о томъ, всегда ли и безусловно ли Церковь запрещаетъ противленіе злу, или иногда узаконяетъ его, доводя свое, какъ-бы сказать, послабленіе въ этомъ отношеніи до разрѣшенія прибѣгать даже къ насилію, если того требуютъ обстоятельства, въ цѣляхъ противодѣйствія злу? Толстой того, конечно, мнѣнія, что Церковь не только не воспрещаетъ, но даже прямо узаконяетъ и освящаетъ противленіе злу насиліемъ. Выдуманный ею Духъ Св. будто бы самъ первый показалъ примѣръ насильственной борьбы со зломъ, когда на смерть поразилъ солгавшихъ Ему Ананію и Сапфиру. Его примѣромъ, очевидно, и до сихъ поръ руководится Церковь, разрѣшая разнаго рода насиліе, какъ напр. смертную казнь преступниковъ, благословляя бранное оружіе и молясь объ успѣхахъ „христолюбиваго воинства" и т. п. („Цар. Бож." ч. I, 49).

Не можемъ согласиться съ доводами графа Льва Николаевича, но самая мысль его о томъ, что Церковь не запрещаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибѣгать даже къ насилію въ видахъ прекращенія и задержанія развивающагося зла, вообще говоря, вѣрна и требуетъ развѣ только нѣкотораго смягченія. Такой, по крайней мѣрѣ, взглядъ держался до сихъ поръ среди ученыхъ богослововъ и проводился въ богословскихъ сочиненіяхъ. Профессоръ Казанской дух. академіи—г. Гусевъ, едва ли не самый рьяный оппонентъ графа Толстого въ нашей богословской журналистикѣ и безспорно самый плодовитый писатель по части критики Толстовскихъ взглядовъ, категорически утверждаетъ, что противодѣйствіе или противленіе злу и даже, если этого требуетъ характеръ зла,

съ насиліемъ отнюдь не можетъ быть почитаемо противнымъ духу ученія Христа и Церкви. Мало этого. Онъ пытается даже доказать, что на такой же точно (т. е. на церковной) точкѣ зрѣнія долженъ бы стоять, если бы хотѣлъ быть послѣдовательнымъ, и самъ графъ Толстой. Приводя себѣ на память, что и самъ Левъ Николаевичъ, при всемъ своемъ нерасположеніи къ противленіи злу насиліемъ, все же нашелъ возможнымъ сдѣлать исключеніе (т. е. разрѣшить насиліе) изъ своего общаго правила по отношенію къ дѣтямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они, сами того не сознавая, подвергаются какой-либо опасности [1]), а одинъ изъ усерднѣйшихъ проповѣдниковъ толстовскаго ученія—г. Оболенскій сверхъ того включаетъ въ число лицъ, по отношенію къ которымъ можетъ быть допущено насиліе, людей въ какомъ-нибудь отношеніи ненормальныхъ, каковы напр. пьяные, помѣшанные, припадочные и т. п. („Рус. Богат.“ 1886 г., кн. 5—6, стр. 69); принимая все это въ соображеніе, названный профессоръ разсуждаетъ приблизительно такимъ образомъ: если по отношенію къ нѣкоторымъ лицамъ позволительно допускать насиліе ради спасенія ихъ отъ опасности или предупрежденія вреда, который они намъ могли бы причинить, то почему бы, ради тѣхъ же цѣлей, не позволить употребить насиліе и по отношенію къ людямъ здоровымъ и нормальнымъ? Если въ первомъ случаѣ основаніемъ для отступленія отъ общаго правила служитъ сознаніе нами чужой опасности, несознаваемой тѣми, кому она угрожаетъ, и желаніе предотвратить ее, то, казалось бы, должно быть дѣломъ прямой логической послѣдовательности разрѣшить насиліе и въ тѣхъ случаяхъ, когда лицомъ, угрожаемымъ—или угрожающимъ намъ—опасностію, будетъ человѣкъ вполнѣ здоровый и нормальный [2]).

---

1) Гусевъ „Основныя правила нравоученія гр. Л. Толстого“. Чт. въ Общ. люб. дух. просв. стр. 406. Ср. у Буткевича „Послѣднее сочиненіе гр. Л, Н. Толстого“, стр. 33.

2) Гусевъ... стр. 406—409.

Нельзя отказать почтенному профессору въ значительной долѣ остроумія и находчивости, которыя не покидаютъ его и тогда, когда, вслѣдъ за этимъ, онъ обращается къ изысканію положительныхъ доводовъ въ пользу позволительности и законности противленія злу и даже съ насиліемъ. Подтвержденія этого мнѣнія онъ ищетъ въ области евангельскихъ словъ и фактовъ. Такъ ему припоминается, что и Самъ І. Христосъ, которому Толстой навязываетъ мысль о безусловной непозволительности противленія злу какими-бы то ни было способами, не только уклонялся отъ опасности, когда враги Его искали убить Его, не только возразилъ слугѣ архіерейскому, ударившему Христа по ланитѣ, сказавши ему: „аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ, аще ли добрѣ что мя біеши“ (Іоан. 18 гл., 23); но даже съ помощію бича, т. е. съ явнымъ насиліемъ, изгналъ изъ храма жадныхъ торгашей и кощунственныхъ мѣновщиковъ [1]).—Ссылки на эти слова (какъ и многія другія) и указанія на эти евангельскіе факты вы найдет въ любомъ богословскомъ трактатѣ, въ любой статьѣ, написанныхъ противъ толстовскаго ученія о непротивленіи. Мы не беремъ на себя смѣлости подвергать критической оцѣнкѣ всѣ эти доводы православныхъ богослововъ въ защиту позволительности против ленія злу и даже съ насиліемъ, но не можемъ не выразить того, что слова „Христосъ“ и „насиліе“ звучатъ для насъ страннымъ диссонансомъ и невольно смущаютъ нашу совѣсть...

Вотъ почему мы съ искреннею радостію за нашу богословскую науку считаемъ долгомъ сообщить, что взглядъ казанскаго профессора и многихъ его единомышленниковъ въ вопросѣ о законности насилія въ борьбѣ со зломъ нашелъ себѣ въ недавнее время замѣну въ гораздо болѣе, если можно такъ выразиться, христіанскомъ взглядѣ на этотъ вопросъ преосвященнаго Антонія (Храповицкаго), епископа Уфимскаго, бывшаго ректора Москов. и

---

1) Гусевъ... стр. 380—383.

Казанской духов. акад. Для тѣхъ, кому неизвѣстна личность названнаго іерарха, считаемъ умѣстнымъ замѣтить, что эта во многихъ отношеніяхъ замѣчательная личность обладаетъ рѣдкою способностію пролагать новые пути тамъ, гдѣ, казалось бы, и до него исхожены были всѣ дороги, и проливать новый свѣтъ на такіе вопросы, которые и прежде его, повидимому, освѣщались со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія. Этому же духовному писателю и іерарху принадлежитъ и тотъ новый взглядъ на позволительность насилія въ борьбѣ со зломъ, на сторонѣ котораго (взгляда) лежатъ и наши личныя симпатіи. Чтобы въ чемъ-нибудь не отступить отъ мысли преосвященнаго автора, мы постараемся изложить его взглядъ по занимающему насъ вопросу какъ можно ближе къ подлиннику.

„Мы совершенно не обинуясь утверждаемъ",—пишетъ досточтимый авторъ въ отвѣтъ на заявленія Толстого о томъ, будто Церковь безусловно разрѣшаетъ насилія въ борьбѣ со зломъ, подкрѣпляя свое разрѣшеніе нѣкоторыми ссылками на мѣста изъ Новаго Завѣта,—„что въ Новомъ Завѣтѣ нѣтъ разрѣшенія прибѣгать къ насилію въ борьбѣ со зломъ" (а прежніе-то богословы именно тамъ и старались найти оправданіе для насильственной борьбы со зломъ), „хотя нѣтъ и прямого воспрещенія; мало того, ни одно церковное опредѣленіе, ни одна молитва Церкви не даютъ утвердительнаго отвѣта на вопросъ Толстого о томъ, можетъ ли христіанинъ, оставаясь христіаниномъ, допускать насиліе въ достиженіи благихъ цѣлей. Мы на это отвѣтимъ: нѣтъ, совершенный христіанинъ, допустившій насиліе, весьма погрѣшитъ, но прибавимъ, погрѣшитъ меньше, нежели въ томъ случаѣ, когда онъ, не желая допустить насилія, отказывается вовсе отъ борьбы со зломъ. Если, напр., человѣкъ видитъ разбойника, преслѣдующаго дѣвушку, или злодѣя, похищающаго дѣтей для растлѣнія, то видящій это христіанинъ болѣе погрѣшитъ, если пройдетъ мимо такого явленія, нежели въ томъ случаѣ, если вступитъ въ борьбу съ злодѣемъ,

хотя бы послѣдняя окончилась убійствомъ. Но неужели нѣтъ третьяго исхода! Есть: истинный, совершенный христіанинъ имѣетъ возможность и здѣсь не употребить насилія; если онъ всецѣло проникнутъ вѣрой въ Бога, то Богъ пошлетъ ему силу убѣжденія, а если злодѣй ожесточится и противъ этой силы, то Господь Самъ будетъ его казнителемъ, какъ Ананіи и Сапфиры. Этому онъ многократно училъ Своихъ служителей и въ Ветхомъ, и въ Новомъ Завѣтѣ, то избивая враговъ ихъ казнями египетскими, то сохраняя рабовъ Своихъ въ огнѣ, какъ трехъ отроковъ, то вооружая однихъ враговъ на другихъ, то питая Илію въ пустыни, то изводя Петра изъ темницы и т. п. И еслибы такой человѣкъ, который имѣетъ внутреннюю возможность сейчасъ проникнуться святымъ вдохновеніемъ на столько, чтобы совершить чудо, но по минутному упадку духа, подобно Моисею при изведеніи воды изъ камня, или Саулу, не дождавшемуся Самуила при битвѣ, оставитъ надежду на Бога и прибѣгнетъ къ защитѣ истины насиліемъ, то онъ безусловно виновенъ; но если онъ такой силы не имѣетъ, а зло совершается сейчасъ и совершается безвозвратно, если христіанину остается выборъ между сопротивленіемъ злу чрезъ насиліе и бездѣятельнымъ созерцаніемъ зла, то онъ болѣе погрѣшитъ въ послѣднемъ случаѣ, нежели въ первомъ, но и въ первомъ поступитъ только лучше (значитъ, не безотносительно хорошо!), чѣмъ въ послѣднемъ. Что сказано о личной жизни, тоже слѣдуетъ сказать и о жизни общественной, и о войнѣ, Если бы, напр., русскій народъ, созерцая истязаніе болгаръ и ихъ насильственное потурченіе, имѣлъ бы настолько духовныхъ силъ, чтобы или турокъ убѣдить прекратить жестокости, или болгаръ—принять безропотно мученіе, или, наконецъ, воззвать къ Богу съ такой силой вѣры, чтобы Господь Самъ чудесно сохранилъ невредимыми христіанъ и устрашилъ мучителей: тогда русскій народъ былъ бы безусловно виновенъ, еслибы, полѣнившись, такъ сказать, напрячь свой духъ, предпочелъ обратиться къ оружію; но такъ какъ по-

добной апостольской силы духа онъ не имѣлъ, и ему предстоялъ выборъ между войной и преступнымъ равнодушіемъ священника и левита въ притчѣ о милосердномъ самарянинѣ, то онъ поступилъ наилучшимъ изъ доступныхъ для него способовъ отношенія къ балканскимъ распрямъ, когда взялся за оружіе. И пусть Толстой не обвиняетъ Церковь въ прямомъ дозволеніи насилій, въ безусловномъ одобреніи войны. Она не одобряетъ ихъ, а только терпитъ! Пусть онъ знаетъ, что въ нашихъ канонахъ есть прямо и опредѣленно выраженная епитимія Василія Великаго лишать убивавшихъ на войнѣ причастія на три года (прав. 13), какъ людей, смутившихъ свою совѣсть. А священникъ, участвовавшій въ убійствѣ, лишается своего сана, если бы даже сдѣлалъ это, защищая жизнь свою или другихъ... Такъ пусть же не клевещетъ Толстой на Церковь, будто она прямо одобряетъ убійства, насиліе и войны. Пусть онъ пойметъ, что разница между ученіемъ христіанскимъ, которое исповѣдуетъ Церковь и православные воины, съ его ученіемъ состоитъ не въ томъ, какъ то и другое относится къ самому убійству и насилію, а въ томъ, что первые смотрятъ на насиліе въ борьбѣ со зломъ, какъ на поступокъ менѣе грѣховный, чѣмъ равнодушное примиреніе съ беззаконіемъ, а Толстой считаетъ первое безусловнымъ грѣхомъ, а второе вовсе не грѣхомъ... Христіанинъ признаетъ себя настолько связаннымъ съ жизнію всѣхъ, что безучастное отношеніе къ нравственному злу считаетъ для себя болѣе предосудительнымъ, нежели противленіе ему силой" [1]).

Итакъ, закончимъ изложеніе взгляда преосв. Антонія его же словами: „ученіе Церкви о непротивленіи злу насиліемъ не только не ниже, а безконечно выше толстовскаго, когда оно одобряетъ лишь то непротивленіе злу насиліемъ, которое можетъ это зло уничтожить духовною силою, когда, терпя лишь противленіе, по-

1) Епископъ Антоній „Полное собраніе сочиненій" т. III, стр. 217—220.

нуждаетъ въ то же время человѣка съ горечью сознавать, что въ его подвигѣ нѣтъ чистаго добра, а только меньшее зло. Съ этими именно мыслями она и благословляетъ оружіе и молится о побѣдѣ, потому что имѣетъ въ виду людей, какъ нравственно-несовершенныхъ, согласно съ чѣмъ и самъ Толстой замѣтилъ какъ-то разъ, что „Христосъ учитъ не ангеловъ, а людей, живущихъ животною жизнію, т. е.—сказать по-христіански—людей, паденіемъ омрачившихъ въ себѣ образъ Божій“ [1]).

Мы не только изложили и пояснили на примѣрахъ толстовское пониманіе заповѣди о непротивленіи злу, но и противопоставили ему христіанское и научно-богословское толкованіе этой заповѣди. На этомъ, строго говоря, и можно бы было покончить сравненіе двухъ различныхъ толкованій одной и той же евангельской заповѣди, еслибы на оцѣнку нравственныхъ дѣйствій человѣка не имѣли вліянія тѣ побужденія, какими руководится онъ, совершая тѣ или другія дѣйствія. Вопросъ о побужденіяхъ имѣетъ рѣшающее значеніе не только при оцѣнкѣ отдѣльныхъ дѣйствій человѣка, но и цѣлыхъ нравственныхъ системъ, опредѣляющихъ его дѣятельность. Въ этомъ отношеніи высота и осуществимость всякаго нравоученія зависятъ не столько отъ самаго содержанія его или правилъ нравственности, сколько именно отъ побужденій, въ основѣ ихъ лежащихъ. Сознательно зла никто изъ нравоучителей проповѣдывать не станетъ. На всемъ многовѣковомъ пространствѣ исторіи нравственной философіи нашелся только одинъ убѣжденный и откровенный проповѣдникъ зла—это прославленный (недавно умершій) философъ Ницше, духовная нормальность котораго находится подъ сильнымъ сомнѣніемъ. Не даромъ же имъ интересуются не столько психологи, сколько психіатры, въ родѣ извѣстнаго Юрьевскаго профессора Чижа.—Всякій здравомыслящій человѣкъ согласится съ тѣмъ, что трудъ напр., лучше праздности,

1) Ibid. стр. 223.

что воздержаніе лучше разврата. Но одно дѣло сказать: трудись, потому что ты иначе обѣднѣешь,—и совсѣмъ другое сказать: трудись, потому что праздность есть мать всѣхъ пороковъ, омрачающихъ въ человѣкѣ чистый образъ Божій. По словесному выраженію эти правила одинаковы, но глубоко различны по своей мотивировкѣ, а, стало быть, и по духу вообще. Точно такъ же и заповѣдь о непротивленіи злу и терпѣніи обидъ, по словесной формѣ очень сходная въ толстовскомъ и нашемъ евангеліяхъ, въ толстовскомъ и христіанскомъ нравоученіи, можетъ быть чрезвычайно различна по тѣмъ побужденіямъ, какія тамъ и здѣсь указываются къ ея исполненію. Въ самомъ дѣлѣ, почему не слѣдуетъ платить зломъ за зло, иначе говоря, противиться злу насильственнымъ образомъ? Вѣрующій христіанинъ сразу же осмыслитъ для себя эту заповѣдь, сославшись на примѣръ Христа. Онъ скажетъ, что любовь и благодарность къ своему Искупителю служатъ для него побужденіемъ подражать Ему въ терпѣніи. А что скажетъ толстовецъ въ оправданіе своего непротивленія? Его учитель развѣнчалъ Христа въ Богочеловѣческомъ достоинствѣ и не только далекъ отъ мысли признавать Его за Бога, но очень близокъ къ тому, чтобы вообще не признавать никакого Бога. Божество съ точки зрѣнія пантеистической философіи Толстого есть ничто иное, какъ міровая сущность, есть тотъ же міръ, взятый въ отвлеченномъ понятіи. Можемъ ли мы любить такого Бога? Довольно трудно, если не прямо невозможно! Любовь возможна только къ личностямъ [1]). Любовь есть чувство личное по-преимуществу. И какъ въ умѣ толстовца нѣтъ мѣста для вѣры въ Личнаго Живого Бога, такъ въ его сердцѣ не можетъ быть мѣста для любви къ Нему. Но съ отрицаніемъ любви къ Богу сама собою падаетъ и заповѣдь о любви къ ближнему. Послѣдняя (любовь къ ближнему) всегда была сильна первой и пропадала съ ея потерей. Кромѣ

1) Антоній... т. III, стр. 243; ср. стр. 179.

того, чтобы любить ближняго, необходимо, какъ только что по яснено, признавать его личностію; съ понятіемъ же личности не-разрывно связана мысль о безсмертіи ея. Между тѣмъ этой послѣдней и не хочетъ принять яснополянскій философъ. Человѣкъ, по его мнѣнію, живетъ, пока живетъ. Умретъ,—и отъ него останется только одна память въ потомствѣ. Онъ погрузится въ безличную сущность Божества, какъ погружается въ море волна, лишь на одну минуту выброшенная вѣтромъ на его поверхность. Какъ же я могу любить какую-то безличную идею, лишь на время влѣзшую въ человѣческую кожу? Могу ли я считать высшимъ правиломъ своей жизни—любить постепенно разлагающійся трупъ, какимъ мнѣ неизбѣжно долженъ представляться всякій человѣкъ при отрицаніи мною идеи личнаго безсмертія? Отсюда ясно, что для ученія о любви нѣтъ, или не должно быть, мѣста въ нравственной доктринѣ Толстого, потому что въ его религіозно-философской системѣ нѣтъ метафизическихъ основаній для этого ученія. И если, не смотря на это, Толстой все же не разсчитался окончательно со „второй“ заповѣдью евангельской и не вычеркнулъ изъ своего лексикона самое слово „любовь“, какъ звукъ пустой, то это объясняется лишь простою съ его стороны непослѣдовательностію, которую онъ допустилъ платя дань „прекраснымъ качествамъ своей души“ [1]). Мѣсто любви къ ближнему у Толстого занимаетъ желаніе блага или счастія ему. Не желая показать себя грубымъ себялюбцемъ, Толстой учитъ своихъ послѣдователей полагать задачу жизни въ устроеніи общаго блага на землѣ. „Исканіе счастія,—говаривалъ онъ прежде,—имѣетъ лишь дотолѣ унизительный себялюбивый характеръ, доколѣ оно стремится къ устроенію только собственнаго счастія, но перестаетъ быть таковымъ тотчасъ же, какъ скоро предметомъ попеченія дѣлаюсь не я самъ, а благо общее. Поймите вы, что благо ваше есть благо

---

1) Еп. Антоній.. т. Ш, стр. 183.

всѣхъ“ [1]). Допустимъ, что мы и поняли бы это, и стали бы искать своего блага въ благѣ общемъ, что же бы изъ этого вышло? Вѣдь если себялюбіе, то есть исканіе личнаго счастія, есть зло то сколько зла не складывай, добра не выйдетъ. Это точь въ точь то же самое, что самъ Толстой замѣчаетъ о войнѣ: если убійство, совершаемое однимъ, есть зло, то какъ можетъ быть добромъ убійство, совершаемое тысячами? [2]). Отсюда самый истинный толстовецъ никогда не поднимется надъ уровнемъ себялюбца, потому что если цѣлію его трудовъ служитъ участіе въ общемъ благѣ или наслажденіи, то, стало быть, стремленія его эгоистичны, и потому предъ судомъ истинной (не утилитаристической) нравственности малоцѣнны. Толстовецъ не будетъ позволять себѣ насилія „не потому, что оно ожесточаетъ, производитъ грѣховныя чувства злобы въ угнетателѣ и угнетаемомъ,... но потому, что оно препятствуетъ наслажденію жизни“ [3]). Факты показываютъ, что и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ отдѣльная личность преслѣдуетъ общее счастіе въ формѣ наслажденія благами жизни, она остается такъ же груба, черства и низменна, какъ если бы руководилась своимъ личнымъ интересомъ [4]). Собираясь въ колоніи для устройства общаго счастія, послѣдователи графа никакъ не могутъ уладить своихъ интересовъ и на почвѣ этого разлада у нихъ происходятъ иногда любопытные факты, одинъ изъ которыхъ я и позволю себѣ привести здѣсь. Онъ, быть можетъ, будетъ нѣсколько шакировать вашъ слухъ, но я передамъ его со словъ одной газеты, какъ случай въ высшей степени характерный, рисующій намъ внутреннюю жизнь скитовъ толстовскихъ, къ тому же и использованный уже прежде меня нѣкоторыми духовными писателями.

---

1) Ibid. стр. 239.
2) Ibid. стр. 240.
3) Ibid. стр. 235.
4) Ibid. стр. 240.

Членомъ одной толстовской колоніи состоялъ какой-то деревенскій парень. Видитъ онъ, что зипунишка на немъ совсѣмъ поразвалился, а на другихъ колонистахъ поддевки и пиджаки все новые. Всталъ парень утромъ пораньше всѣхъ, выбралъ себѣ поддевку покрѣпче всѣхъ, и надѣлъ ее, а зипунишку свой бросилъ. Проснулись колонисты и видятъ произшедшее. Хозяинъ поддевки обращается къ парню:

— Ты зачѣмъ надѣлъ мою поддевку?

— Потому что моя развалилась, а твоя мнѣ очень понравилась.

— Ну, ну, скидывай! Что бобы-то разводить?!

— Зачѣмъ я буду скидывать? Эта поддевка теперь моя.

— Скидывай, говорятъ тебѣ! А то я самъ сниму съ тебя.

— Ну-ка, попробуй! Что же ты вѣру свою хочешь смѣнить Сказано: злому не противься!

Хозяинъ поддевки не зналъ, что дѣлать,—стоялъ сконфуженный и недовольный такимъ казусомъ.

— Ну, ну, Петька, довольно шутить. Мнѣ на работу нужно итти,—началъ онъ снова.

— Какія тутъ шутки! Вотъ еще что выдумалъ! Сказано, не дамъ. А если станешь снимать, то и тресну. Что ты мнѣ сдѣлаешь? Драться тебѣ нельзя.

Женщины стали читать парню натацію.

— Какъ тебѣ не совѣстно такія глупости дѣлать! Тебя пріютили, обмыли, накормили, одѣли, а ты за это не только ругаешься, а еще и бить хочешь. Неужели у тебя нѣтъ никакого стыда?

— Эка чѣмъ вздумали хвалиться: напоили, накормили! Вы и должны это дѣлать, потому что вѣра ваша такая. Сколько разъ сами говорили: голоднаго накорми, нагого одѣнь! То-то! Говорите одно, а дѣлаете другое; поддевки жалко стало. Сказано:

не отдамъ, а если полѣзете, такъ я васъ"... [1]) и онъ жестомъ договорилъ, вѣроятно, то, чего не выразилъ въ словахъ.

Такъ-то, собравшись во имя непротивленія злу насиліемъ, какъ внѣшняго, объективнаго правила жизни, трудясь для общаго блага или счастія, но не имѣя соотвѣтствующаго внутренняго настроенія, не воспитавши въ себѣ духа истинной любви, какъ основы внѣшней дѣятельности, послѣдователи графа Толстого не могутъ упорядочить своихъ взаимныхъ отношеній и примирить себялюбивыхъ интересовъ, и по-истинѣ „говорятъ одно, а дѣлаютъ другое". Мораль утилитаризма нашла себѣ оцѣнку въ самыхъ фактахъ.—Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, умѣстно вспомнить слова Христа Спасителя: „по плодамъ ихъ узнаете ихъ".

М. П. Изюмовъ.

11-го марта
Витебскъ.

Храмовой праздникъ въ Витебской духовной семинаріи.

11-го мая Витебская семинарія праздновала день священной памяти своихъ небесныхъ покровителей свв. братьевъ Кирилла и Меѳодія. Приготовленія къ празднику начались наканунѣ, 10-го мая, и велись подъ руководствомъ оканчивающихъ въ этомъ году воспитанниковъ, желавшихъ получше убрать свой храмъ въ послѣдній разъ. Къ 6 часамъ вечера все было окончено, и со вкусомъ убранный зеленью семинарскій храмъ принялъ праздничный видъ. Ровно въ 6 час. раздался трезвонъ въ Успенскомъ соборѣ и въ семинарію прибылъ Преосвященнѣйшій Тихонъ. Встрѣченный г. инспекторомъ семинаріи, Владыка направился въ столовую и здѣсь былъ встрѣченъ о. ректоромъ семинаріи, духовникомъ

---

1) „Моск. Вѣд." 1891 г., № 246 (см. у Гусева 399—400, а также у Буткевича стр. 33—34.

воспитанниковъ о. Іоанномъ Бобровскимъ, ключаремъ собора протоіереемъ о. Димитріемъ Акимовымъ, протодіакономъ собора Березкинымъ и др. При пѣніи семинарскимъ хоромъ тропаря Кириллу и Меѳодію Владыка вошелъ въ церковь, куда уже собрались воспитанники, благословилъ всѣхъ и направился въ алтарь. Затѣмъ началось всенощное бдѣніе, которое совершалъ духовникъ семинаріи о. Іоаннъ Бобровскій въ сослуженіи протодіакона Березкина. Литію и благословеніе хлѣбовъ совершалъ самъ Преосвященный Владыка, а предъ чтеніемъ евангелія на утрени имъ былъ отслуженъ акаѳистъ свв. Кириллу и Меѳодію, послѣ чего, при пѣніи канона, Владыка помазывалъ всѣхъ св. елеемъ. Въ три четверти десятаго часа окончилось всенощное бдѣніе и Владыка отбылъ изъ семинаріи.

Такъ какъ день храмового праздника въ семинаріи совпадаетъ со днемъ ангела о. ректора семинаріи архимандрита Кирилла, то утромъ 11-го мая, послѣ обычной утренней молитвы, воспитанники въ лицѣ представителей отъ всѣхъ классовъ поздравили о. ректора съ днемъ его ангела, а нѣсколько позже поздравили гг. преподаватели семинаріи. Въ 9 часовъ прибылъ Владыка, и началась архіерейскимъ служеніемъ Божественная литургія въ сослуженіи о. ректора, духовника семинаріи о. Іоанна Бобровскаго, протоіерея о. Димитрія Акимова, члена семин. правл. о. Семена Гнѣдовскаго, протодіакона Березкина и діаконовъ: Волкова и Базилевскаго. Во время канонника было произнесено слово преподавателемъ семинаріи Д. Т. Никифоровскимъ. Послѣ литургіи былъ отслуженъ молебенъ свв. Кириллу и Меѳодію и вслѣдъ затѣмъ, приложившись ко кресту, воспитанники вышли въ столовую. Здѣсь Владыка остановился на нѣкоторое время, въ короткихъ словахъ привѣтствовалъ воспитанниковъ съ днемъ ихъ храмового праздника и выразилъ имъ свои благопожеланія, при чемъ особенно указывалъ на необходимость подражать ревности свв. равноапостольныхъ братьевъ въ будущемъ ихъ пастырскомъ служеніи

Изъ столовой Преосвященный направился въ квартиру о. ректора гдѣ ему былъ предложенъ чай и затѣмъ скромная закуска, а въ 1 часъ дня отбылъ изъ семинаріи.

Въ половинѣ второго часа звонокъ собралъ воспитанниковъ въ столовую на обѣдъ. Сейчасъ же сюда пришелъ и о. ректоръ, который въ короткихъ словахъ поздравилъ воспитанниковъ съ праздникомъ, сердечно благодарилъ ихъ за принесенное ему поздравленіе со днемъ ангела и благословилъ предложенныя кушанья.

Въ этотъ же день гг. преподавателями семинаріи, а также воспитанниками двухъ старшихъ классовъ были посланы поздравительныя телеграммы бывшему ректору архимандриту Константину (теперь ректоръ Кіевской духовной семинаріи), день ангела котораго бываетъ тоже 11 мая. *С.*

издана въ большомъ форматѣ, снабжена множествомъ рисунковъ, поясняющихъ текстъ, и напечатана весьма удобочитаемымъ шрифтомъ на глазированной бумагѣ. Для лучшей оріентировки, помѣщенъ полный систематическій указатель въ алфавитномъ порядкѣ.

Каждый читатель найдетъ въ лѣчебникѣ много полезнаго для сохраненія своего здоровья.

Содержаніе: Анатомія и физіологія.—Гигіена.—Естественные методы лѣченія.—Домашняя аптека.—Внутреннія болѣзни.—Кожныя болѣзни.—Глазныя болѣзни.—Женскія болѣзни.—Хирургія.—Болѣзни нервной системы.—Дѣтскія болѣзни.—Поданіе первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ.—Оглавленіе.

Цѣна 3 руб. съ пересылкой. *Съ требованіями* обращаться въ контору журнала *„Спутникъ Здоровья“, Спб., Коломенская улица, соб. домъ, № 39.*

СОДЕРЖАНІЕ.

Редакторъ, Инспекторъ семинаріи *В. Демидовскій.*

Печатать разрѣшается. 14 мая 1901 года.
Цензоръ, Ректоръ семинаріи, *Архимандритъ Кириллъ.*

Печатано въ Витебской Губернской Типо-Литографіи.

ОТЧЕТЪ

Полоцкаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта о состояніи церковныхъ школъ Полоцкой епархіи за 1900-й гражданскій годъ.

I.

Управленіе церковными школами. Составъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта и его отдѣленій. Именной списокъ членовъ Совѣта и отдѣленій съ указаніемъ званія членовъ. Почетные члены Совѣта и отдѣленій.

Согласно Высочайше утвержденному 26 февраля 1896 года положенію объ управленіи школами церковно-приходскими и грамоты, высшее управленіе церковными школами Полоцкой епархіи принадлежало въ истекшемъ 1900 отчетномъ году Преосвященнѣйшему Тихону, Епископу Полоцкому и Витебскому, который слѣдилъ за состояніемъ и развитіемъ церковно-школьнаго дѣла въ епархіи, входилъ во внимательное и заботливое разсмотрѣніе всѣхъ журналовъ и представленій Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, касавшихся лучшей постановки школьнаго дѣла, назначеній опытныхъ учителей и учительницъ, любящихъ церковно-приходскую школу и преданныхъ ей попечителей, а также награждалъ особенно потрудившихся въ школьномъ дѣлѣ и оказавшихъ матеріальныя пожертвованія на благоустройство школъ.

Ближайшее управленіе церковными школами сосредоточива-

лось въ Епархіальномъ Училищномъ Совѣтѣ. Совѣтъ этотъ состоялъ подъ непосредственнымъ руководствомъ Его Преосвященства, согласно Высочайше утвержденнымъ 13 іюля 1884 г. правиламъ о церковно-приходскихъ школахъ и вышеуказанному Высочайше утвержденному положенію о сихъ школахъ завѣдывалъ ими чрезъ свои одиннадцать уѣздныхъ отдѣленій. Непосредственный надзоръ за постановкою учебно-воспитательнаго дѣла въ церковныхъ школахъ и за состояніемъ сихъ школъ лежитъ на епархіальномъ наблюдателѣ и ближайшихъ его помощникахъ—уѣздныхъ наблюдателяхъ, каковыхъ въ Полоцкой епархіи въ отчетномъ году состояло одиннадцать—по одному въ каждомъ уѣздѣ. Самыми же близкими и непосредственными дѣятелями по благоустройству церковныхъ школъ и руководителями учебно-воспитательной части въ сихъ школахъ были приходскіе священники, которые по своему пастырскому вліянію на прихожанъ и педагогической подготовленности имѣли возможность вести дѣло народнаго образованія съ полнымъ успѣхомъ. Благодаря ихъ дѣятельности, начальныя школы, а въ особенности школы грамоты, въ настоящее время имѣются въ самыхъ отдаленныхъ и захолустныхъ деревняхъ Полоцкой епархіи.

Епархіальный Училищный Совѣтъ, заботясь о развитіи церковно-школьнаго дѣла въ епархіи, въ своихъ засѣданіяхъ разсматривалъ всѣ текущіе вопросы и дѣла о церковныхъ школахъ, требовавшіе разрѣшенія или обсужденія Совѣта, и свои постановленія, по записаніи оныхъ въ особый для каждаго засѣданія журналъ, за подписью предсѣдателя и членовъ Совѣта, присутствовавшихъ въ засѣданіи, представлялъ на благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Преосвященства. При этомъ одна часть дѣлъ обсуждалась на общихъ собраніяхъ всѣхъ членовъ Совѣта, а другая, по преимуществу, дѣла, не терпящія отлагательства, въ засѣданіяхъ школьной комиссіи Совѣта, учрежденный на основаніи § 32 Высочайше утвержденнаго въ 26-й день февраля 1896 г. положенія

объ управленіи школами церковно-приходскими и грамоты православнаго исповѣданія, и состоявшій изъ предсѣдателя и двухъ членовъ Совѣта, при участіи иногда и о. епархіальнаго наблюдателя. Засѣданій въ отчетномъ году было въ общемъ 12, на которыхъ составлено 15 журналовъ съ 195-ю постановленіями и постоянной школьной комиссіей—65 по разнымъ вопросамъ, касавшимся той или другой стороны церковно-школьной жизни. Дѣла же, не требовавшія особаго разсмотрѣнія или обсужденія Совѣта или школьной комиссіи, какъ напримѣръ, сношенія съ разными учрежденіями и лицами по дѣламъ школъ, иногда предварительныя къ обсужденію какого-либо вопроса въ засѣданіи Совѣта или комиссіи, исполняемы были канцеляріей Совѣта по распоряженіямъ о. предсѣдателя онаго, основаннымъ на дѣйствующихъ узаконеніяхъ общаго характера о школахъ церковно-приходскихъ и грамоты, а также на утвержденныхъ въ подлежащемъ порядкѣ журнальныхъ опредѣленіяхъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта. Для записи входящихъ и исходящихъ бумагъ въ канцеляріи Совѣта имѣются особыя книги. Входящихъ бумагъ въ отчетномъ году записано 967, а исходящихъ было 2438, кромѣ журналовъ и разнаго рода отчетовъ и отчетныхъ свѣдѣній.

Личный составъ Полоцкаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта въ отчетномъ году былъ слѣдующій:

Предсѣдателемъ Совѣта по 19-е января 1900 года состоялъ ректоръ Витебской духовной семинаріи архимандритъ Константинъ, за перемѣщеніемъ же его на должность ректора Кіевской духовной семинаріи, временное исполненіе обязанностей предсѣдателя Полоцкаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, па основаніи § 30 положенія объ управленіи школами ценковно-приходскими и грамоты, Его Преосвященствомъ было поручено, съ 19 января, постоянному члену означеннаго Совѣта настоятелю Витебскаго каѳедральнаго собора протоіерею Василію Терпиловскому, а съ 17-го

мая 1900 года указомъ Святѣйшаго Синода, за № 3097, въ этой должности утвержденъ вновь назначенный на должность ректора Витебской духовной семинаріи архимандритъ Кириллъ; членами состояли: настоятель Витебскаго каѳедральнаго собора кандидатъ богословія, Василій Клементьевичъ Терпиловскій; начальникъ Витебской женской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ Ивановичъ Лебедевъ; инспекторъ Витебской духовной семинаріи, статскій совѣтникъ Василій Ананьевичъ Демидовскій; члены Полоцкой духовной консисторіи: протоіерей Димитрій Васильевичъ Акимовъ и протоіерей Николай Александровичъ Соколовъ, секретарь той же консисторіи, кандидатъ богословія, Митрофанъ Григорьевичъ Поповъ; преподаватель семинаріи, статскій совѣтникъ Василій Ильичъ Добровольскій, исполнявшій обязанности казначея Совѣта, и духовникъ семинаріи священникъ Іоаннъ Бобровскій, исполнявшій обязанности дѣлопроизводителя Совѣта; члены по должности: епархіальный наблюдатель церковныхъ школъ, кандидатъ богословія, священникъ Нилъ Серебрениковъ и директоръ народныхъ училищъ Витебской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Димитрій Ивановичъ Тихомировъ. Сверхштатнымъ членомъ состоялъ лѣсничій Витебскаго лѣсничества Смоленско-Витебско-Могилевскаго управленія государственныхъ имуществъ Александръ Петровичъ Архангельскій. Въ постоянной школьной комиссіи при Полоцкомъ Епархіальномъ Училищномъ Совѣтѣ предсѣдателемъ состоялъ предсѣдатель Епархіальнаго Училищнаго Совѣта ректоръ семинаріи о. архимандритъ Кириллъ и членами: инспекторъ семинаріи Василій Ананьевичъ Демидовскій и духовникъ семинаріи священникъ Іоаннъ Бобровскій, исполнявшій обязанности и дѣлопроизводителя школьной комиссіи.

Управленіе церковными школами въ уѣздахъ сосредоточивалось въ уѣздныхъ отдѣленіяхъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, которыя раздѣляли труды и заботы Совѣта, каждое по своему

уѣзду, о распространеніи, поддержаніи и благоустроеніи церковныхъ школъ и служили проводниками всѣхъ распоряженій и мѣропріятій Совѣта по дѣламъ школъ. Свои журнальныя постановленія отдѣленія препровождали въ Епархіальный Училищный Совѣтъ, который, предварительно разсмотрѣвъ ихъ, вмѣстѣ со своими заключеніями, представлялъ на благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Преосвященства, согласно § 42 положенія объ управленіи школами церковно-приходскими и грамоты.

Личный составъ уѣздныхъ отдѣленій Полоцкаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта въ отчетномъ году былъ слѣдующій:

1. Витебскаго отдѣленія: предсѣдатель—Витебскій градскій благочинный протоіерей Θеодоръ Заволоцкій; члены: смотритель Витебскаго духовнаго училища Владиміръ Тычининъ, старшій совѣтникъ Витебскаго губернскаго правленія А. Е. Полѣсскій-Щипилло, начальникъ отдѣленія Витебской казенной палаты Павелъ Невинскій, священникъ Витебской Петро-Павловской церкви Стефанъ Гнѣдовскій, священникъ Св.-Духовской церкви Василій Васютовичъ, епархіальный архитекторъ В. Θ. Коршиковъ, священникъ церкви богоугодныхъ заведеній Константинъ Вышелѣсскій, исполнявшій обязанности казначея отдѣленія; члены по должности: непремѣнные члены Витебскаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Михаилъ Черноцкій и Константинъ Шашковскій, инспекторъ народныхъ училищъ Александръ Олешкевичъ, оо. благочинные: 1-го округа Витебскаго уѣзда священникъ Іоаннъ Жиглевичъ, 2-го округа—священникъ Іоаннъ Овсянкинъ, онъ же уѣздный наблюдатель и дѣлопроизводитель отдѣленія, и 3-го округа священникъ Павелъ Сивицкій.

2. Велижскаго отдѣленія: предсѣдатель—настоятель Велижскаго Св.-Духовского собора протоіерей Василій Никифоровскій, онъ же уѣздный наблюдатель церковныхъ школъ и благочинный 1-го округа Велижскаго уѣзда; члены: уѣздный предводитель

дворянства, статскій совѣтникъ Андрей Павловичъ Ждановъ; надворный совѣтникъ Артемій Адріановичъ Соколовскій, уѣздный исправникъ; коллежскій совѣтникъ Косьма Давидовичъ Голембіовскій, отставной акцизный надзиратель; губернскій секретарь Савва Семеновичъ Ризо, городской голова; Велижскій купеческій сынъ Никаноръ Евдокимовичъ Маевскій, гласный городской управы, и священникъ Велижской Св.-Ильинской церкви Симеонъ Гнѣдовскій, онъ же казначей и дѣлопроизводитель отдѣленія; члены по должности: непремѣнный членъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Николай Владимировичъ Ильинъ, штатный смотритель уѣзднаго училища Іуліанъ Васильевичъ Матусевичъ, оо. благочинные Велижскаго уѣзда: 2-го округа священникъ Михаилъ Пясковскій и 3-го округа священникъ Леонидъ Киссель.

3. Городокскаго отдѣленія: предсѣдатель—настоятель Городокскаго собора протоіерей Димитрій Григоровичъ, онъ же уѣздный наблюдатель и благочинный 1-го округа Городокскаго уѣзда; члены: мировой судья Сергѣй А. Чанцевъ, уѣздный исправникъ Владиміръ Ив. Щербинскій, уѣздный врачъ Пл. Ф. Новлянскій, уполномоченный отъ Городокскаго мѣщанскаго общества М. Г. Куксинскій и священникъ Городокскаго собора Николай Заблоцкій, исполнявшій обязанности дѣлопроизводителя отдѣленія; члены по должности: непремѣнные члены крестьянскаго присутствія: Ѳеодоръ Тимоѳеевичъ Сафоновъ и В. Ѳ. Заблоцкій, инспекторъ народныхъ училищъ Ст. Ст. Дорошкевичъ и благочинный 2-го округа Городокскаго уѣзда священникъ Георгій Смирновъ.

4. Двинскаго отдѣленія: предсѣдатель—настоятель Двинскаго собора протоіерей Петръ Беллавинъ, онъ же уѣздный наблюдатель и благочинный по Двинскому уѣзду; члены: священникъ того же собора Ѳеодоръ Румянцевъ, онъ же и казначей, двинскій уѣздный предводитель дворянства Леонидъ Ивановичъ Писаревъ, уѣздный исправникъ Николай Ивановичъ Ивановъ, двинскій купецъ Александръ Димитріевичъ Шатровъ и двинскій купецъ Иванъ

Кондратьевичъ Молчановъ; члены по должности: директоръ Двинскаго реальнаго училища дѣйствительный статскій совѣтникъ Алексѣй Ѳеодоровичъ Князевъ, непремѣнные члены крестьянскаго присутствія: Николай Ивановичъ Исаевъ и Александръ Ѳеодоровичъ Чернявскій.

5. Дриссенскаго отдѣленія: предсѣдатель—настоятель Дриссенскаго собора протоіерей Евстафій Кушинъ, онъ же уѣздный наблюдатель и благочинный 1-го Дриссенскаго округа; члены: священникъ Росицкой церкви Петръ Бѣляевъ, уѣздный исправникъ Петръ Михѣевичъ Шавровскій и священникъ Дриссенскаго собора Ѳеодоръ Шеховцовъ; члены по должности: непремѣнный членъ крестьянскаго присутствія статскій совѣтникъ Павелъ Евфимовичъ Сементовскій, штатный смотритель уѣзднаго училища Даніилъ Каленчукъ и благочинный 2-го Дриссенскаго округа священникъ Антоній Никоновичъ.

6. Лепельскаго отдѣленія: предсѣдатель—настоятель Лепельскаго собора протоіерей Іоаннъ Довгялло, онъ же наблюдатель церк. школъ и благочинный 1-го Лепельскаго округа; члены: уѣздный предводитель дворянства Василій Юліевичъ Фере, уѣздный исправникъ Иванъ Алекс. Гнѣдовскій, коллежскій совѣтникъ Семенъ Лаврентьевичъ Зенькевичъ, начальникъ Лепельскаго отдѣленія Ковенскаго округа вѣдомства путей сообщенія, инженеръ Иванъ Георгіевичъ Григорьевъ, податной инспекторъ Алекс. Алекс. Петровъ, гражданскій кондукторъ Илья Іосифовичъ Андреевъ, коллежскій секретарь Феликсъ Нарцизовичъ Годлевскій и священникъ Лепельскаго собора Филиппъ Лузгинъ, онъ же казначей и дѣлопроизводитель отдѣленія; члены по должности: непремѣнные члены крестьянскаго присутствія: Дм. Дм. Щелинъ и Сергѣй Александровичъ Курилло-Сементовскій, учитель инспекторъ городского училища Парѳеній Ивановичъ Чубовъ и оо. благочинные Лепельскаго уѣзда: 2-го округа священникъ Іоаннъ Фащевскій,

3-го округа священникъ Іосифъ Сченсновичъ и 4-го округа протоіерей Іаковъ Копецкій.

7. Люцинскаго отдѣленія: предсѣдатель—настоятель Люцинскаго собора протоіерей Өеодоръ Никоновичъ, онъ же уѣздный наблюдатель и благочинный по Люцинскому уѣзду; члены: уѣздный исправникъ Рудольфъ Александровичъ Стуартъ, Люцинскій уѣздный казначей Антонъ Петровичъ Бѣлинскій, купеческій сынъ Иванъ Петровичъ Столбошинскій, податной инспекторъ Діонисій Яковлевичъ Міончинскій, городской врачъ Онисимъ Григорьевичъ Рекашевъ, судебный слѣдователь Владимиръ Константиновичъ Лелонгъ и священникъ Люцинскаго собора Өеофанъ Борисовичъ, онъ же казначей и дѣлопроизводитель отдѣленія; члены по должности: непремѣнные члены крестьянскаго присутствія: Протасій Өеодоровичъ Алхимовичъ и Петръ Яковлевичъ Лавровъ и штатный смотритель Люцинскаго уѣзднаго училища.

8. Невельскаго отдѣленія: предсѣдатель—настоятель Невельскаго собора протоіерей Димитрій Гнѣдовскій; члены: Невельскій уѣздный предводитель дворянства графъ Викторъ Владимировичъ Комаровскій, священники церквей: Коротаевской—Арсеній Лузгинъ, Еменецкой—Софроній Серебрениковъ, Шульгинской—Онуфрій Шостакъ, Ивановской—Павлинъ Мурашкинъ, уѣздный исправникъ Димитрій Евменовичъ Лавровскій, Невельскій городской голова Өеофанъ Степановичъ Дюринскій, лѣсничій Невельскаго уѣзда Михаилъ Михайловичъ Обязовъ, податной инспекторъ Димитрій Дементьевичъ Курновскій, невельскій купецъ Николай Андреевичъ Бенкевичъ, староста Невельскаго собора Артемій Ивановичъ Пантелей и дѣлопроизводитель отдѣленія Тимоөей Васильевичъ Федоровъ; члены по должности: уѣздный наблюдатель церковныхъ школъ священникъ Петръ Серебрениковъ, онъ же и благочинный 1-го Невельскаго округа, благочинные: 2-го округа—свящ. Михаилъ Чернявскій, 3-го округа—свящ. Георгій Завилейскій и 4-го округа свящ. Димитрій Гальковскій, непремѣн-